

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Р. Г. Сердечная

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Волгоград 2004

ББК 67. 629. 31
С 32

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Сердечная Р. Г.

С 32 Обеспечение прав участников предварительного расследования: Учеб. пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2004. — 108 с., 250 экз.

ISBN 5-7899-0329-0

В учебном пособии изложены понятие, содержание обеспечения прав участников предварительного расследования, освещены теоретические и практические проблемы обеспечения их прав при производстве следственных и процессуальных действий правоограничительного характера, избрании мер пресечения, отдельных мер принуждения, а также вопросы обеспечения безопасности участников предварительного расследования.

Издание предназначено для курсантов, слушателей, студентов вузов МВД России, а также практических работников правоохранительных органов.

ББК 67. 629. 31

Рецензенты: кандидат юридических наук, доцент *М. Т. Аширбекова*; кандидат юридических наук, доцент *В. М. Решетников*

ISBN 5-7899-0329-0

© Сердечная Р. Г., 2004

© Волгоградская академия МВД России, 2004

Учебное издание

Рушания Гусмановна Сердечная

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

Редактор *Н. Л. Радаева*
Технический редактор *Е. Н. Полоскова*
Корректор *С. Н. Ненькина*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*

ПД № 9-0024 г. от 25.05.2001

Волгоградская академия МВД России. Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Подписано в печать 03.12.2004. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ариал.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,75. Усл. печ. л. 6,28. Уч.- изд. л. 7,08. Тираж 250. Заказ № 23.

ООП ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

ВВЕДЕНИЕ

Курс, взятый Российской Федерацией на строительство демократического правового государства, вступление России в Совет Европы и в состав других международных организаций обусловили проведение глубинных преобразований во всех сферах жизни общества, предопределив новый взгляд на международные стандарты в области реализации прав человека.

В свою очередь, это повлекло за собой реформирование практически всех отраслей права, включая уголовно-процессуальное, потребовало приведение их в соответствие с нормами международного права и Конституции России в направлении признания прав и свобод человека высшей ценностью общества и государства.

Права человека сегодня выступают важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам. Не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса в целом, а наоборот, уголовный процесс должен максимально соответствовать с правами человека¹.

Ведь именно в сфере уголовного судопроизводства наиболее остро проявляется противостояние интересов отдельной личности и интересов общества, охраняемых государством. Особенно отчетливо это прослеживается в стадии предварительного расследования, в которую вовлечены практически все участники уголовного судопроизводства. На данном этапе в большей степени возникает необходимость в реализации прав всех ее участников, поскольку в стадии предварительного расследования осуществляется сбор доказательств, подтверждающих наличие признаков преступления в действиях конкретного субъекта, решается вопрос об избрании меры пресечения и мер принуждения, а также иные вопросы, непосредственно затрагивающие права и интересы личности.

Новое уголовно-процессуальное законодательство России сделало огромный шаг в сторону расширения гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса. Однако многие вопросы обеспечения прав участников предварительного расследования остались не до конца разрешенными, а иногда и существенно противоречащими, а неопределенность, как известно, порождает произвол правоприменителя. Между тем вопросы обеспечения прав участников предварительного расследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

¹ См.: Демидов И. Ф. Проблемы прав человека в Российском уголовном процессе (концептуальные положения). М., 1995. С. 6, 37.

ГЛАВА 1 || ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Понятие и содержание обеспечения прав участников предварительного расследования

Участниками уголовного судопроизводства в соответствии с п. 58 ст. 5 УПК России¹ являются лица, принимающие участие в уголовном процессе. Перечень участников предварительного расследования несколько уже, чем перечень участников уголовного судопроизводства. К ним относятся: судья, суд, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, потерпевший, его законный представитель, представитель, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, его законный представитель, представитель, защитник — адвокат, гражданский ответчик, его законный представитель, представитель и иные участники уголовного судопроизводства, указанные в главе 8 УПК: свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также статист. Соответственно, процессуальное положение указанных участников предварительного расследования существенно отличается друг от друга.

В последнее время многие процессуалисты склоняются к мнению о том, что в большей степени защиты нуждаются интересы обвиняемого (подозреваемого) лица². Несомненно, обвиняемый является центральной фигурой уголовного процесса, однако в современных условиях не в меньшей мере возникает необходимость обеспечения прав таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик и иные участники, вовлеченные в уголовный процесс, чьи права должны быть надлежащим образом защищены.

Это отвечает и назначению уголовного судопроизводства, которое предусматривает защиту прав и законных интересов лиц и ор-

¹ Далее — УПК.

² См., например: Францифиров Ю. В. Обвинение как средство обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998; Курушин С. А. Гарантии обеспечения права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003 и др.

ганизаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитацию лиц, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию (ст. 6 УПК).

Вопросам обеспечения прав личности¹ вообще и в уголовном процессе, в частности, в разное время было приковано внимание ученых В. А. Азарова, В. М. Быкова, В. И. Каминской, Л. М. Карнеевой, Л. Д. Кокорева, В. М. Корнукова, Э. Ф. Куцовой, А. М. Ларина, В. З. Лукашевича, Е. А. Лукашевой, П. И. Люблинского, М. С. Малеина, Е. Г. Мартынчика, Н. И. Матузова, И. Л. Петрухина, В. Я. Понарина, И. В. Ростовщикова, Ф. М. Рудинского, В. М. Савицкого, Ю. И. Стецовского, М. С. Строговича, В. С. Шадрина, С. А. Шейфера и многих других.

Фундаментальные исследования проблем обеспечения прав участников расследования были осуществлены Э. Ф. Куцовой, В. З. Лукашевичем и В. С. Шадриним².

В теории уголовного процесса обеспечение прав личности отождествляли с понятием уголовно-процессуальных гарантий³, так как с этимологической точки зрения данные термины взаимообусловлены: одно из толкований слова «гарантия» — «обеспечение»⁴.

Проблема правовых гарантий была и остается одной из сложных и важных в юридической науке, но тем не менее до настоящего времени не сложилось единого мнения как в вопросе применения *термина* уголовно-процессуальных гарантий⁵, так и *содержания* уголовно-процессуальных гарантий. В различные годы она исследовалась с разных позиций. Отдельные ученые к содержанию уголовно-процессуальных гарантий относили *принципы уголовного процесса*⁶, другие — *правовые нормы и все уголовно-процессуальное право*⁷,

¹ Здесь и далее под термином «личность» подразумеваются все участники уголовного процесса.

² См.: Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973; Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1967; Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997.

³ Подробнее об этом см.: Шадрин В. С. Указ. соч. С. 34-40.

⁴ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 130.

⁵ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 211.

⁶ См.: Полянский Н. Н. Вопросы теории уголовного процесса. М., 1956. С. 203.

⁷ См.: Цыпкин А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 21-22.

третьи — *процессуальные формы*¹. В целом исследования в этой области велись в направлении *развития гарантий прав и законных интересов личности*. Несколько позже в процессуальной литературе гарантии стали определять как установленные законом средства и способы, содействующие *успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности*². В 60–80-х гг. прошлого столетия возникла острая полемика по поводу деления гарантий на *гарантии правосудия* и *гарантии прав личности* и установления единого понятия гарантий правосудия, которое включало бы в себя гарантии прав личности.

В этой связи в юридической литературе исследовались разные аспекты как гарантий правосудия, так и гарантий личности. В процессуальной теории писали о том, что «интерес обвиняемого ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им способствует»³.

Оппоненты данной точки зрения, возражая, отметили, что такая постановка вопроса, подкупая своей кажущейся убедительностью, несколько упрощает рассматриваемую проблему, поскольку принципиальное единство общественных и личных интересов не исключает возможного их несовпадения, порождаемого различными причинами⁴.

Тщательно исследовав данную проблему, В. С. Шадрин попытался поставить точки над «i», поясняя, что желательно избавиться от двусмысленности в определении, с одной стороны, средств обеспечения в уголовном процессе интересов государства, а с другой — средств обеспечения интересов личности, выраженных в ее субъективных правах. В то же время, отмечал он, «нельзя отрицать, что в уголовном судопроизводстве есть и всегда будет немало положений, действительно способных в той или иной степени служить одновременно обеспечению интересов личности и государства, ...и что подлинное соотношение и степень согласования с конституционными требованиями не должны рассматриваться как противопоставление личности государству»⁵. Однако отдельные

¹ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 3.

² См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев А. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. М., 1980. С. 36.

³ Строгович М. С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Сов. гос-во и право. 1976. № 10. С. 74.

⁴ См.: Мотовиловкер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия. М., 1978. С. 102-104 и др.

⁵ Шадрин В. С. Указ. соч. С. 34-38.

ученые продолжают придерживаться иного мнения. Так, А. Д. Бойков считает, что процесс законотворчества отличается противоречивостью и синхронно с гарантиями прав обвиняемого не развивались гарантии правосудия и права других участников процесса, а судебная реформа не спешит с устранениями дисбаланса¹. «Хотя явно нарушено равновесие между правовыми средствами раскрытия и расследования преступлений и правовыми средствами защиты обвиняемого от обвинения — оно явно в пользу последних», — продолжает В. М. Быков².

В процессуальной теории также долгое время ведутся дискуссии по поводу *содержания* уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, то есть о том, что именно служит (и может служить) процессуальными гарантиями прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве³.

Некоторые процессуалисты к содержанию уголовно-процессуальных гарантий относили установленные законом *средства*, которыми охраняются и обеспечиваются права и *законные интересы* участвующих в уголовном процессе лиц⁴. По мнению других, под ними подразумевались *соответствующие процессуальные средства и деятельность определенных лиц и органов*⁵.

Обстоятельно изучив вышеизложенную проблему, более подробно на данный вопрос попытался ответить В. З. Лукашевич. Он пришел к выводу о том, что содержание уголовно-процессуальных гарантий прав обвиняемого состоит из:

1) закрепленных в законе обязанностей органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, направленных на охрану законных интересов обвиняемого, а также на разъяснение и обеспечение действительного осуществления последним своих прав;

2) тех закрепленных в законе средств, которые дают ему фактическую возможность добиваться восстановления нарушенных законных интересов и прав и ставить вопрос об ответственности должностных лиц;

¹ См.: Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997. С. 140.

² Быков В. М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений (Пolemические заметки) // Право и политика. 2002. № 9. С. 66.

³ Указанная трактовка понятия «содержания» дана Э. Ф. Куцовой в работе «Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание)». См.: Куцова Э. Ф. Указ. соч. М., 1973. С. 123.

⁴ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 56.

⁵ См., например: Мартынич Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 4.

3) деятельности защитника, который может быть приглашен обвиняемым или назначен следователем или судом и который обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность¹.

Полемизируя с ним, Э. Ф. Куцова высказывает свои возражения, считая, что автор сужает содержание рассматриваемых гарантий, поскольку не учитывает, что *обвиняемый* в уголовном процессе также *наделен средствами*, с помощью которых он может, *лично* отстаивая свои права и интересы, предотвращать их нарушение. Она уточняет, что нельзя отождествлять деятельность защитника с уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого, поскольку в названной деятельности *реализуются* уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности. Именно гарантии формируют указанную деятельность как такую, которая способна *служить* обеспечению прав и законных интересов обвиняемого (и иных участвующих в уголовном судопроизводстве граждан)².

Продолжая подвергать тщательному анализу изложенные выше проблемы, автор утверждает, что уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов обвиняемого служат прежде всего обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, содействующие обеспечению прав и законных интересов обвиняемого, а также: права обвиняемого, его защитника, законного представителя, представителя. В итоге ученый приходит к выводу о том, что уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов личности являются многочисленные и многообразные по своему содержанию средства, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права, служащие обеспечению возможности осуществления, защите прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе³.

Такого же мнения придерживается и Т. Н. Добровольская⁴.

В основном поддерживая данную позицию, С. А. Курушин добавляет, что уголовно-процессуальные гарантии — это установленные действующим национальным (конституционным и уголовно-процессуальным) законодательством и общепринятыми нормами между-

¹ См.: Лукашевич В. З. Указ. соч. С. 3.

² См.: Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973. С. 124-125.

³ См.: Там же. С. 126-130.

⁴ См.: Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Сов. гос-во и право. 1980. № 2. С. 133.

народного права, обеспеченные государством, обладающие особой юридической силой средства и способы, создающие *равные* возможности для осуществления своих прав *всем* участникам уголовного судопроизводства и условия для выполнения задач уголовного судопроизводства¹.

Говоря словами известного процессуалиста, спор можно продолжить, но он реальной необходимостью не вызывается, так как анализ приведенных выше точек зрения показывает, что каждая из них в большей или меньшей степени несет в себе рациональное зерно. И все названное в качестве гарантий по-своему служит или содействует обеспечению прав личности. Изучение вопросов *обеспечения* или *гарантирования* (что одно и то же) прав личности в уголовном процессе не исключает привычного оперирования термином «*уголовно-процессуальные гарантии*»², учитывая, что данный термин — термин науки. В уголовно-процессуальном законодательстве и международно-правовых актах о правах человека он не используется.

В этой связи справедливо высказывание В. М. Савицкого о том, что проблема процессуальных гарантий правосудия и особенно процессуальных гарантий прав личности принадлежит к числу «вечных» проблем, т. е. таких, идеальное решение которых в принципе хотя и возможно, но практически всегда ограничено существующим в данном обществе уровнем демократии и законности, который, в свою очередь, целиком обусловлен характером производственных отношений, расстановкой классовых сил. Тем не менее в рамках одной и той же политической системы проблема процессуальных гарантий может быть решена по-разному: иногда уже, иногда шире, в зависимости от сложного сочетания множества факторов экономического, политического, идеологического порядка, от взаимодействия комплекса обстоятельств, характеризующих внутреннее и внешнее положение страны на данном этапе³.

Интересным представляется мнение В. С. Шадрина о том, что обеспечение прав личности охватывает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, включая:

— информирование лица об обладании правами и их разъяснение;

¹ См.: *Курушин С. А.* Указ. соч. С. 14.

² *Шадрин В. С.* Указ. соч. С. 39-40.

³ См.: *Савицкий В. М.* Конституционные предпосылки дальнейшего усиления гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // *Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе: Межвуз. темат. сб.* Ярославль, 1979.

- создание необходимых условий для полноценной реализации прав;
- охрану прав от нарушений;
- защиту прав;
- восстановление нарушенных прав¹.

В целом поддерживая указанную структуру (содержание) обеспечения прав личности, хотелось бы отметить, что законодатель, говоря о *правах участников процесса*, не зря использует слово «уведомляет» вместо «информирует» (например, в ч. 12 ст. 108, ч. 3 ст. 124, ч. 1 ст. 215 УПК и других), так как слово «уведомляет» означает «известить — сообщить кому-нибудь, довести что-нибудь до чьего-нибудь сведения»², тогда как значение слова «информировать» толкуется как «дать... (давать) информацию»³.

Далее, после слова «разъяснение», по нашему мнению, следовало бы добавить «и реализация», так как без реализации прав личности вся деятельность окажется формальностью.

Второй элемент данной структуры нам представляется излишним, поскольку создание необходимых условий для полноценной реализации прав состоит как раз в их охране и обеспечении.

К пункту «охрана прав от нарушений» хотелось бы добавить «обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства», учитывая, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве принцип «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», закрепленный в статье 11, в части третьей справедливо содержит прямое предписание о принятии судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем в пределах своей компетенции мер безопасности, при наличии достаточных данных об угрозе убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо при угрозе иными противоправными деяниями в отношении потерпевших, свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц, так как *охрана прав от нарушений невозможна без обеспечения безопасности тех лиц, чьи права охраняются*. Кроме того, пятый элемент содержания обеспечения «восстановление нарушенных прав», на наш взгляд, следует заменить «реабилитацией», поскольку новое уголовно-процессуальное законодательство отвело вопросам вос-

¹ См.: Шадрин В. С. Указ. соч. С. 40.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 241, 820.

³ Там же. С. 253.

становления нарушенных прав целую главу 18 (ст. 133-139 УПК), именуемую «Реабилитация».

Исходя из изложенного, содержание обеспечения прав личности можно выразить в виде схемы (рис. 1):

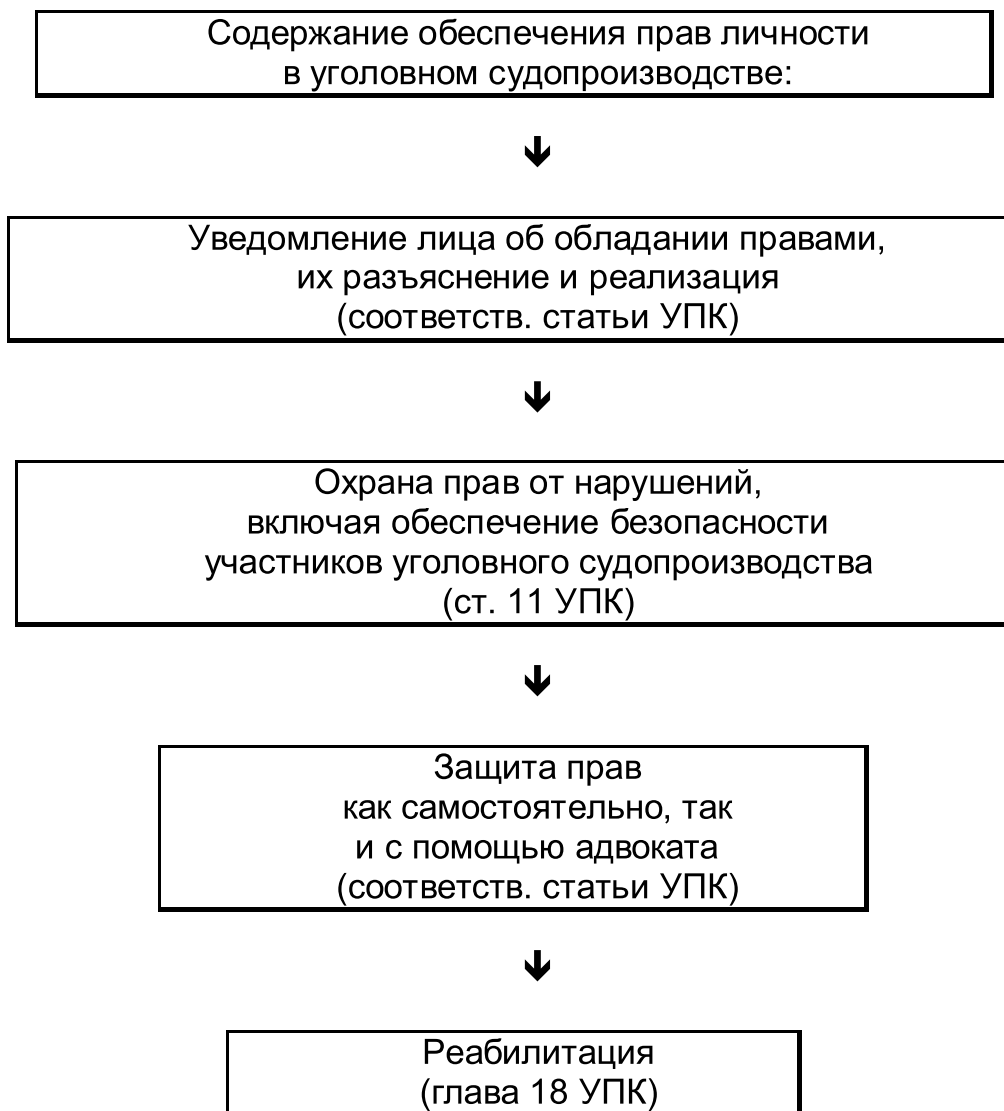

Рис. 1. Обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что под *обеспечением прав участников предварительного расследования* следует понимать *предусмотренную нормами международного права, Конституцией России и уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных лиц: суда, прокурора, следователя и дознавателя, состоящую из уведомления участников расследования об обладании соответствующими правами, их разъяснения, реализации, обеспечения охраны прав от нарушений (включая обеспечение безопасности участников предварительного расследования), защиты прав (самостоятельно или с помощью адвоката) и реабилитации их нарушенных прав и интересов.*

§ 2. Современное значение обеспечения прав участников расследования с учетом положений Конституции России и международных правовых актов

Основы правового статуса личности охватывают конституционно закрепленные права и свободы. Конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина — это неотъемлемые, принадлежащие ему от рождения, защищаемые государством, составляющие ядро правового статуса личности.

Права и свободы человека и гражданина были зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.¹, затем в изданном на ее основе Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом 16 декабря 1948 г. Организацией Объединенных Наций².

В российском законодательстве они впервые были воспроизведены в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом Российской Федерации 22 ноября 1991 г., далее нашли свое отражение в действующей Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.³, которая в ст. 17 закрепила положение о том, что в России права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Конституция России, подчеркивая свою высшую юридическую силу на всей территории государства, одновременно признала

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека. Утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. М., 1989.

² См.: Права человека. Основные международные документы // Сб. документов. М., 1990.

³ Далее — Конституция России, Конституция.

приоритетность общепризнанных принципов и норм международного права над российским законодательством (ч. 4 ст. 15).

В юридической литературе справедливо отмечено, что о значении прав и свобод личности, которое придает им Основной закон, свидетельствует уже объем закрепляющих их конституционных норм, составляющий около половины текста всей Конституции и что для российских граждан ею провозглашен практически весь комплекс прав и свобод человека, зафиксированный во Всеобщей декларации и пактах 1966 г.¹

Со вступлением Российской Федерации в Совет Европы особое значение для уголовного судопроизводства в области обеспечения прав и свобод его участников приобрела Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 4 ноября 1950 г.², с последующими изменениями и дополнениями к ней (шесть Протоколов), подписанная от имени Российской Федерации в Страсбурге 28 февраля 1996 г.³

Примечательно, что после официальной ратификации Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод наше государство взяло на себя обязательство гарантировать на своей территории каждому человеку, чьи права и свободы, изложенные в Конвенции, нарушены, наличие эффективных средств правовой защиты перед государственными органами, даже если нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве (ст. 13 Конвенции)⁴.

Указанные нормы, принципы международного права и международные договоры России стали составной частью не только самой Конституции, но и государственной правовой системы, что, в свою очередь, потребовало ее реформирования, включая уголовно-процессуальное право.

В этой связи Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁵. Многие нормы и институты нового УПК были приняты на основании изменений и дополнений, вносимых в УПК РСФСР в

¹ См.: *Ростовщиков И. В.* Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 42.

² См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Принята 4 ноября 1950 г.; вступила в силу 3 сентября 1953 г. // Права человека: Сб. универсальных и региональных международных документов. М., 1990. С. 85-118.

³ См.: Российская газета. 1998. 7 апр. С. 3.

⁴ См.: *Бондарь Н.* Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 1996. С. 47.

⁵ См.: Российская газета. 2001. 22 дек.

течение всего постсоветского периода его действия, положениями Конституции России, практикой деятельности Конституционного Суда и руководящими разъяснениями Верховного Суда РФ. В результате российское уголовное судопроизводство обрело черты состязательного процесса охранительного типа, исключающего произвольное ограничение конституционных прав граждан¹.

Наряду с другими нововведениями в уголовно-процессуальное законодательство России были внесены изменения, существенно затрагивающие проблемы обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Прежде всего речь идет о дальнейшем закреплении в УПК важнейших конституционных принципов, таких как «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ст. 11 УПК); «презумпция невиновности» (ст. 14)²; «состязательность сторон» (ст. 15) и других (глава 2 УПК). Логически в законе нашло закрепление расширение полномочий суда на досудебном производстве (ст. 29 УПК), что способствовало увеличению сфер судебного контроля за действиями, ограничивающими конституционные права и свободы.

С 1 июля 2002 г. (со дня введения УПК России в действие) избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, продление его сроков стало возможно только с санкции суда. Данное положение соответствует требованиям ст. 32 Конституции России, а также п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждое задержанное или арестованное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на досудебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Обеспечению прав участников предварительного расследования способствуют также положения ст. 51 Конституции России, так называемый принцип «свидетельского иммунитета», закрепленный в ч. 2 ст. 11 УПК России, в котором зафиксировано, что в случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут быть использованы в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по делу, а также и в других нормах УПК (п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК).

¹ См.: Колосович С. А. Уголовный процесс: Предисловие к учебнику // Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. Волгоград, 2002. С. 3.

² Подробнее об этом см. в § 4 настоящей главы.

Важной гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства служат положения ч. 2 ст. 50 Конституции, устанавливающие запрет на использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона, что нашло свое прямое отражение в ст. 75 УПК России, именуемой «недопустимые доказательства».

Требования ч. 2 ст. 45 Основного закона о праве каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, и положения ч. 1 ст. 48 Конституции, гарантирующие каждому право на получение квалифицированной помощи, в уголовно-процессуальном законодательстве проявились в ряде норм, например, ст. 16, 46, 49-51 и др., среди которых самый большой интерес вызвали п. 6 ч. 4 ст. 56 и ч. 5 ст. 189 УПК России, дающие право свидетелю являться на допрос с адвокатом, а также положения ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК, регламентирующие порядок обеспечения безопасности участников предварительного расследования и суда.

Статья 23 Конституции устанавливает право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны и требует получения судебного ордера в случае необходимости вынужденного их нарушения. Кроме того, ст. 25 Конституции налагает запрет на проникновение в жилище в отсутствие согласия проживающих в нем лиц за исключением двух случаев:

- при непредвиденных чрезвычайных ситуациях;
- когда этого требуют обстоятельства защиты правопорядка.

С учетом изложенных обстоятельств новое уголовно-процессуальное законодательство предусмотрело производство таких следственных и процессуальных действий, как: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; производство обыска и (или) выемки в жилище; производство личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК; помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы; производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных учреждениях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; временное отстранение подозреваемого или обвиняемого

от должности — только по судебному решению (ч. 2 ст. 29 УПК). Данное положение вводится в действие с 1 января 2004 г.

Указанное нововведение соответствует ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, содержащей правило о том, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Следует отметить, что законодатель привел в соответствие с требованиями ст. 22 Конституции России первоначальный срок содержания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, который составляет 48 часов (ч. 2 ст. 94 УПК).

Учитывая, что согласно ст. 46 Конституции право на свободу и личную неприкосновенность принадлежит каждому человеку и во всех случаях нарушения данного права гражданин может требовать его восстановления в судебном порядке, в Уголовно-процессуальном кодексе России предусмотрено право обжалования действий (бездействия) и решений органа дознания, дознавателя, следователя и суда всеми участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, как прокурору, так и в различные судебные инстанции (глава 16, ст. 123-127, главы 43-45, 48-49 УПК), что безусловно способствует обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

По Конституции России важное место в системе правозащитных механизмов отводится Конституционному Суду Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ предусмотрено предоставление гражданину или объединению граждан, чьи права и свободы нарушены законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, права на индивидуальную жалобу на нарушение конституционных прав и свобод. Наблюдения показывают, что граждане России активно пользуются изложенными выше правами, и рассмотрение Конституционным Судом индивидуальных жалоб выявило не только нарушение конституци-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

онных прав и свобод гражданина в каждом конкретном случае в сфере уголовного судопроизводства, но и в отдельных случаях «антиконституционность» правоприменительной практики либо неправильное толкование отдельных норм Федерального закона (УПК)¹.

Часть 3 статьи 46 Конституции предоставляет каждому право обращаться также и в международные органы по защите прав и свобод человека, в частности, в Европейский суд по правам человека.

В этой связи уместно звучит справедливое замечание, высказанное В. Бессарабовым, о том, что на конституционно-правовом уровне российское законодательство соответствует международным стандартам и основным требованиям Европейской конвенции. Это общепризнанный факт. Проблема возникает на уровне ее понимания и толкования².

Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54 предусматривает признание Российской Федерацией компетенции Европейской комиссии по правам человека получать заявления (жалобы) от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих о нарушениях Российской Федерацией их прав, изложенных в Конвенции и Протоколах к ней, в случаях, когда предполагаемое нарушение было осуществлено после вступления в действие этих договорных актов в отношении Российской Федерации³.

Несмотря на то что Европейский суд не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе государств-участников Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не дает указаний законодателю, не осуществляет контроль национального законодательства или судебной практики, не обладает правом давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия, а лишь рассматривает *только* конкретные жалобы с тем, чтобы установить,

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гр. В. И. Маслова от 20.06.2000 г. // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; Постановление КС РФ по делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 232 УПК РСФСР в связи с жалобой гр. Д. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. В. Фролова и А. В. Шмелева от 04.03.2003. // Рос. газета. 2003. 18 марта.

² См.: Бессарабов В. Европейский суд по правам человека и российская прокуратура // Законность. № 8. 2002. С. 2-6.

³ См.: Рос. газета. 1998. 7 апр. С. 3.

действительно ли были допущены нарушения требований конвенции, он вправе присудить «справедливое удовлетворение претензий» в виде финансовой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также возмещение выигравшей стороне всех издержек и расходов. Значение Европейского суда по правам человека трудно переоценить. Его решения приобрели характер особого источника права и с каждым годом все более влияют на развитие европейского правового пространства. С 1996 г. все вышеизложенное в полной мере относится и к Российской Федерации¹.

Ратификация Россией Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод вместе с Протоколами к ней в современных условиях еще более способствует обеспечению правовой самозащиты личности (включая участников уголовного судопроизводства).

§ 3. Принципы презумпции невиновности и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, их роль и значение

Одной из гарантий защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения служит принцип презумпции невиновности. Как основополагающее начало уголовного судопроизводства презумпция невиновности, раскрывающая наиболее важные стороны правового положения обвиняемого, впервые получила закрепление в международных правовых актах.

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН во Всеобщей декларации прав человека записала: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты (ст. 11)»². А 16 декабря 1966 г. Организация Объединенных Наций приняла Международный пакт о гражданских и политических правах, в котором закрепила положение о том, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону (ст. 14)³. Данный Пакт был

¹ См.: Бессарабов В. Указ. соч. С. 1.

² Права человека. Основные международные документы: Сб. документов. М., 1990. С. 137.

³ См.: Там же. С. 42.

ратифицирован СССР¹, а отмеченное положение в дальнейшем нашло отражение в ст. 160, принятой в 1977 г. Конституции СССР.

Идея отрицания презумпции невиновности по мотивам ее буржуазной природы и неприемлемости для советского уголовного процесса, встречавшаяся в работах некоторых ученых², не получила распространения в науке. Однако далеко не все процессуалисты были едины в признании за презумпцией невиновности значения не просто правового положения, а положения основополагающего, т. е. принципа уголовного судопроизводства. Если В. И. Каминская, Т. Н. Добровольская и другие авторы считали презумпцию невиновности самостоятельным принципом процесса³, то М. Л. Якуб, Е. Г. Мартынчик и некоторые другие ученые отрицали такое ее значение⁴.

М. С. Строгович, первоначально называя презумпцию невиновности среди принципов процесса⁵, в дальнейшем исключил ее из их числа, рассматривая как правовое положение, относящееся к доказыванию⁶. В последующих работах М. С. Строгович возвратился к признанию презумпции невиновности принципом процесса, но уже не в самостоятельном качестве, а в сочетании с принципом обеспечения обвиняемому права на защиту⁷. В. П. Нажимов рассматривал презумпцию невиновности в таком же сочетании⁸. К ним присоединялись Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин⁹. В последующем о

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. 17. Ст. 308.

² См.: *Тадевосян В. С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. гос-во и право. 1948. № 6; *Мокичев К. А.* Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959. С. 33-34; *Галунский С. А.* Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 131-135.

³ См.: *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948. С. 100; *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса М., 1971. С. 111; *Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности М., 1979. С. 14-15.

⁴ См.: *Якуб М. Л.* О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Правоведение. 1976. № 1. С. 64; *Мартынчик Е. Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 70-85 и др.

⁵ См.: *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1944. С. 56.

⁶ См.: *Он же.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 74, 184-186.

⁷ См.: *Он же.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 126.;

⁸ См.: *Нажимов В. П.* О системе принципов организации и деятельности советского уголовного суда // Воплощение ленинских идей в советском праве. Калининград, 1970. С. 161; См. также: *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Указ. соч. С. 42-44.

⁹ См.: *Стецовский Ю. И., Ларин А. М.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 44-107.

презумпции невиновности дискутировали с разных позиций ученые-процессуалисты Л. Н. Смирнов, И. Л. Петрухин, Ю. М. Грошевой¹, а также М. С. Строгович, В. Д. Арсеньев, Н. А. Якубович, В. Г. Бабаев, В. З. Лукашевич, И. А. Либус, А. М. Ларин, А. П. Гуляев, И. С. Касумов, Г. А. Печников, А. В. Танцюра, М. Я. Калашников² и В. С. Шадрин, С. А. Колосович, А. В. Парий, С. П. Ефимичев, А. Д. Черкасов, Н. А. Громов, Я. О. Мотовиловкер, А. С. Кобликов³ и многие другие.

В законодательстве России принцип презумпции невиновности был зафиксирован в Конституции РСФСР 1978 г.: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 172). В 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина⁴, неотъ-

¹ См.: *Смирнов Л. Н.* Ленинские идеи о суде и правосудии и их претворение в жизнь // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1977. № 5. С. 9; *Петрухин И. Л.* Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса // Сов. гос-во и право. 1978. № 12. С. 18-26; *Грошевой Ю. М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 5.

² См.: *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности // Виктимология и профилактика правонарушений / Отв. ред. В. И. Шиканов. Иркутск, 1979. С. 3-15; Уголовный процесс БССР / Под общ. ред. Д. С. Карева, Е. А. Матвиенко. Минск, 1965. С. 58-59; *Арсеньев В. Д.* К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1979. С. 58-61; *Якубович Н. А.* Окончание предварительного следствия. М., 1962. С. 101; *Бабаев В. Г.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 101-102; *Лукашевич В. З.* Указ. соч. С. 212-223; *Он же.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 72-80; *Либус И. А.* Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 58-61; *Ларин А. М.* Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1970. С. 29-33, 104-105; *Гуляев А. П.* Указ. соч. С. 93; *Касумов И. С.* Презумпция невиновности в теории и практике советского уголовного судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980; *Ларин А. М.* Презумпция невиновности. М., 1982; *Печников Г. А.* Принцип презумпции невиновности и проблемы повышения качества предварительного следствия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987; *Он же.* Принцип презумпции невиновности на предварительном следствии. Волгоград, 1992; *Танцюра А. В.* Принцип презумпции невиновности и проблемы его реализации в процессуальных решениях следователя: Дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1995; *Калашников Н. Я.* Гарантии права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания М., 1975;

³ См.: *Шадрин В. С.* Указ. соч. С. 60-68, 90; *Колосович С. А., Парий А. В.* Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. Волгоград, 1997. С. 44-49; *Ефимичев С. П.* Указ. соч. Гл. 4; *Черкасов А. Д., Громов Н. А.* О допросе обвиняемого с позиции презумпции невиновности // Гос-во и право. 1995. № 12. С. 70-71; *Мотовиловкер Я. О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978; *Кобликов А. С.* Право обвиняемого при производстве предварительного следствия. М., 1961.

⁴ См.: Российская газета. 1991. 25 дек.

емлемой частью которой стало положение о презумпции невиновности: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором компетентного, независимого и беспристрастного суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» (ст. 34). Данное положение также закреплено в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С принятием же в 1993 г. *Конституции Российской Федерации* формула презумпции невиновности стала выглядеть таким образом:

1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ст. 49).

УПК России предусматривает более развернутую формулу презумпции невиновности. К тому же уголовно-процессуальное законодательство *впервые* на законодательном уровне называет презумпцию невиновности *самостоятельным принципом* уголовного процесса, отводя ему отдельную норму (ст. 14), в которой указано:

1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Кроме того, в отраслевом законодательстве закреплен ряд других важных положений, раскрывающих содержание принципа презумпции невиновности. Так, в ст. 14 УПК установлено, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном законом. Согласно ч. 2 ст. 77 УПК при-

знание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу. Пункт 1 ч. 1 ст. 27 УПК предусматривает прекращение уголовного преследования при непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Таким образом, презумпция невиновности нашла свое закрепление не только в международных правовых актах, но и российском законодательстве, что свидетельствует о сформировавшейся нормативной базе названного института.

Определенная роль в исследовании проблем презумпции невиновности отводится, по нашему мнению, и науке уголовного процесса.

Презумпция невиновности, справедливо отмечал А. М. Ларин, регулирует многие чрезвычайно сложные отношения, соответственно сложен и сам принцип. О его социальной природе, содержании, форме выражения, пределах действия и юридических следствиях не прекращается полемика. Ибо за такими, казалось бы, абстрактными академическими понятиями, указывал автор, стоят актуальные, сугубо практические вопросы о положении личности в уголовном процессе¹. В этой связи, учитывая многоаспектность данного принципа, основное внимание нами уделяется исключительно структуре презумпции невиновности, содержанию отдельных ее элементов.

Необходимо заметить, что в теории уголовного процесса до второй половины 90-х гг. попыток разработки *структуры презумпции невиновности* практически не предпринималось. Акцент делался в основном на положениях, отраженных в ст. 160 Конституции СССР и ст. 13 УПК РСФСР, в дальнейшем — в ст. 49 Конституции Российской Федерации². Значительный вклад в уголовно-процессуальную науку внесен известным процессуалистом Л. Т. Ульяновой. Ею была предложена *структура презумпции невиновности*, состоящая из 11 правовых положений: а) *ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден; б) никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого, иначе как на основаниях и в порядке, установленном законом; в) обстоятельства должны быть исследованы полно, всесто-*

¹ См.: Ларин А. М. Презумпция невиновности. С. 19.

² См., например: Петрухин И. Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса. М., 1985. С. 18-26; Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Киев, 1987. С. 44-61; Учебник уголовного процесса / Под ред. проф. А. С. Кобликова. М., 1995. С. 37; Тыричев И. В. Презумпция невиновности // Уголовно-процессуальное право / Под ред. проф. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 118-121.

ронне и объективно; г) обязанность доказывания виновности обвиняемого в суде лежит на обвинителе; д) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; е) запрещается домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер; ж) признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора только при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств; з) обвиняемый может быть признан виновным при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого доказана; и) всякое неустранимое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого; к) при недостаточности доказательств участия обвиняемого в совершении преступления и невозможности собирания дополнительных доказательств дело прекращается производством или выносится оправдательный приговор; л) никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом¹.

Поддерживая позицию Л. Т. Ульяновой в целом, нельзя не обратить внимание на отдельные, частные аспекты предложенной структуры.

Во-первых, одним из элементов структуры названо требование о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР данное положение рассматривалось как самостоятельный принцип (ст. 20 УПК РСФСР), а УПК России исключил его вообще (глава 2), следовательно, данное положение не может расцениваться в качестве составной части принципа презумпции невиновности.

Во-вторых, действие презумпции невиновности ограничено автором двумя стадиями уголовного процесса — предварительным расследованием и судебным разбирательством. Вместе с тем нельзя отрицать того, что постановленный судом первой инстанции приговор может быть изменен, отменен не только в кассационном порядке, но и в порядке надзора, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. Поэтому действие презумпции невиновности фактически распространяется и на другие судебные стадии.

По мнению И. В. Тыричева и И. Л. Винокурова, презумпция невиновности начинает действовать с момента вынесения органом расследования постановления о привлечении в качестве обвиняе-

¹ См.: Ульянова Л. Т. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1996. С. 56-57.

мого, т. е. с того момента, когда решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности¹. Однако при этом не учитывается то обстоятельство, что в основе решения о предъявлении обвинения лежат собранные по делу доказательства, которые устанавливают юридически значимые факты совершения лицом преступления. И вопрос о том, в точности ли соответствовала уголовно-процессуальному законодательству деятельность следователя по собиранию доказательств, вовсе не праздный, ибо от того, из указанных ли в законе источников получены доказательственные сведения, соблюдены ли при этом правила их собирания, оформления, надлежащим ли с точки зрения уголовно процессуального права лицом получены доказательства, зависит решение вопроса об их допустимости. Доказательства, полученные с нарушением закона, указано в ст. 75 УПК, не могут быть положены в основу обвинения.

Согласно ст. 73 УПК при производстве дознания и предварительного следствия подлежат доказыванию событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характер и размер причиненного преступлением вреда — обстоятельства, в большей своей части образующие формулу обвинения, которая закладывается в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Значит, можно сделать и такой важный для презумпции невиновности вывод: обязанность доказывания обвинения лежит на следователе. Тем более что ст. 49 Конституции Российской Федерации определяет: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Юридические особенности презумпции невиновности находят свое проявление и в других уголовно-процессуальных предписаниях.

Так, ст. 6 УПК предусматривает положения о назначении виновным справедливого наказания, а также об отказе от уголовного преследования невиновных, об освобождении их от наказания и о реабилитации; ч. 2 ст. 9 УПК закрепляет запрет подвергать насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Было бы неверным считать, что все права, которыми наделен обвиняемый, могут быть полностью реализованы в момент предъявления обвинения и допроса обвиняемого. Но бесспорен факт, что осуществление обвиняемым предоставленных ему прав, и тем

¹ См.: *Тыричев М. В., Винокуров Я. В.* Некоторые общие вопросы теории принципов уголовного судопроизводства в связи с Конституцией СССР // *Актуальные проблемы суда, арбитража и прокурорского надзора в свете Конституции СССР.* М., 1974.

самым права на защиту, связано с моментом предъявления обвинения и допросом в качестве обвиняемого.

Остановимся далее на рассмотрении отдельного элемента структуры презумпции невиновности. Актуальными, по нашему мнению, продолжают оставаться проблемы убежденности следователя в совершении обвиняемым инкриминируемого ему преступления, ибо это связано с доказанностью формулы обвинения, а также правовые аспекты вывода о виновности обвиняемого, поскольку прямо затрагивают юридический статус данного участника расследования.

Если следовать духу и букве закона, то для следователя должно оставаться аксиомой: привлечь лицо в качестве обвиняемого можно лишь при наличии твердого убеждения в доказанности его вины. Выполняя обвинительную функцию, следователь тем самым считает обвиняемого виновным, т. е. признает, что на данном этапе расследования имеется совокупность достаточных доказательств, с несомненностью подтверждающая наличие в деянии конкретного лица всех признаков, необходимых для квалификации обвинения. Тем самым следователь возлагает на себя ответственность за судьбу гражданина, ибо акт привлечения в качестве обвиняемого может повлечь для него серьезные последствия: применение в качестве меры пресечения заключения под стражу, отстранение от должности и другие. Наряду с этим, обвиняемый получает широкие права на защиту, а следователь, соответственно, должен принять меры к обеспечению этих прав. Данные положения не противоречат принципу презумпции невиновности, так как вопреки возражениям некоторых процессуалистов¹, принцип презумпции невиновности действует в уголовном судопроизводстве постоянно.

В юридической литературе по отмеченным аспектам были высказаны разные суждения.

Так, по мнению С. П. Ефимичева, основой привлечения в качестве обвиняемого является доказанность факта совершения преступления конкретным субъектом. Решение о привлечении лица в качестве обвиняемого может быть принято, считает автор, только тогда, когда у следователя сложилось окончательное убеждение в виновности лица и устранены все сомнения в этом. При привлечении в качестве обвиняемого осуществляется констатация вины ли-

¹ См., например: *Мартыничук Е. Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Киев, 1985. С. 85; *Он же:* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения при привлечении в качестве обвиняемого: Сб. науч. тр. Волгоград, 1986. С. 37.

ца в совершении преступления. Процессуально это закрепляется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. «Предварительный вывод о виновности лица, совершившего преступление, делается именно при привлечении его в качестве обвиняемого. А это значит, что «виновный» и «обвиняемый» на предварительном следствии — понятия идентичные. Но предварительным названный вывод является не с позиции доказанности, а потому, что делается он до суда и не может иметь тех отрицательных последствий (судимость и т. д.), которые наступают при формулировании его в приговоре», — отмечает автор¹. Аналогичного мнения придерживались В. З. Лукашевич и ряд других ученых². Для практических работников нормы действующего законодательства, а также суждения указанных авторов имеют отнюдь не только научное значение. Против достоверного установления виновности обвиняемого к моменту привлечения в качестве обвиняемого, а также против наличия у следователя «внутреннего убеждения» в виновности привлекаемого лица в свое время высказывался М. С. Строгович. Он утверждал, что в момент привлечения в качестве обвиняемого не может считаться доказанной виновность данного лица, и от следователя требуется убежденность в привлечении только виновного, так как это повлекло бы обвинительный уклон в дальнейшем следствии и оставление без исследования других версий, помимо виновности обвиняемого, что существенно нарушило бы право обвиняемого на защиту. «Сама постановка вопроса об убежденности следователя в виновности лица в момент привлечения его в качестве обвиняемого неправомерна, — писал позднее М. С. Строгович, — поскольку следствие еще не окончено, объяснения обвиняемого по предъявленному ему обвинению не получены и не проверены»³. Трудно согласиться с приведенными суждениями М. С. Строговича, поскольку следователь может привлечь лицо в качестве обвиняемого лишь после того, когда у него на основе собранных и проверенных доказательств сложится полное внутреннее убеждение в его виновности. Если же следователь не уверен в этом, то обязан признать ошибку и пересмотреть свой взгляд по вопросу о виновности обвиняемого: он не вправе выносить в отношении данного лица постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

¹ См.: *Ефимичев С. П.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения при привлечении в качестве обвиняемого: Сб. науч. тр. Волгоград, 1986. С. 61.

² См.: *Лукашевич В. З.* Обеспечение прав обвиняемого на предварительном следствии. Волгоград, 1976. С. 10; *Викторов Б. А.* Указ. соч. С. 91-92.

³ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. С. 84.

§ 4. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту

Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту закреплен в статье 16 УПК России и регламентирует следующие положения:

1. Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

2. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законодательством способами и средствами.

3. В случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и иными Федеральными законами, подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно.

В отечественной юридической литературе право обвиняемого (подозреваемого) на защиту рассматривается как основа всех процессуальных прав, предоставляемых лицу для отстаивания своих интересов, как интегрированное выражение этих прав¹. В силу данного принципа лицо, ведущее расследование, обязано разъяснить подозреваемому, обвиняемому их права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК.

Параллельно с этим у лица, производящего дознание, следователя возникает обязанность обеспечить подозреваемому и обвиняемому реальную возможность защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом средствами и способами защиты, так как предоставление любого права может превратиться в формальность, если не будут созданы необходимые для его осуществления условия. Поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство не просто декларирует право на защиту, но и предусматривает его обеспечение. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту обоснованно признается в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса. Исходя из его сущности, на органы, осуществляющие уголовное преследование, возлагаются обязанности по обеспечению права на защиту (ст. 2, 45, 48 Конституции России). Их невыполнение расценивается как существенное нарушение закона (п. 4 ст. 381 УПК).

Обязанности следователя, дознавателя по обеспечению права на защиту подозреваемого, по нашему мнению, состоят в сле-

¹ См.: *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 17.

дующем: сразу, непосредственно в момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или с момента возбуждения в отношении него уголовного дела следователь должен разъяснить ему его право на защиту (как лично, так и право на приглашение защитника, право иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса); разъяснить ему, в чем он подозревается, и вручить копию постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела либо протокола задержания. Если в отношении него избрана мера пресечения в порядке ст. 100 УПК — вручить копию постановления о применении к нему меры пресечения; разъяснить его право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. Если подозреваемый дает согласие на дачу показаний, следователь должен предупредить его о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от них за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК. Следователь обязан предоставить подозреваемому возможность заявлять ходатайства и отводы. Заявление о своем отводе следователь должен направить прокурору (ч. 1 ст. 67 УПК); принять представленные подозреваемым доказательства и приобщить их в установленном порядке к материалам уголовного дела; при необходимости пригласить переводчика, в том числе и бесплатного. По окончании следственных действий он обязан ознакомить подозреваемого с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и занести в протокол все замечания. В допустимых случаях следователь вправе по своему усмотрению разрешить подозреваемому и его защитнику участвовать при производстве следственных действий, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя; принимать жалобы на свои действия (бездействие) и решения суда, прокурора и направлять их для рассмотрения в соответствующие инстанции. Следователь по просьбе подозреваемого обязан допустить к нему несколько защитников (ст. 46, 48, 49, 50, 53 УПК), а также разъяснить подозреваемому его обязанности.

Обязанности следователя по обеспечению права на защиту обвиняемого состоят в следующем:

1) после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительного акта следователь должен пригласить защитника или несколько защитников и обеспечить возможность их общения конфиденциально, в том числе до первого

допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;

2) ознакомить обвиняемого (при наличии защитника — в его присутствии) с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого;

3) вручить обвиняемому и его защитнику копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

4) разъяснить права обвиняемого, предусмотренные ст. 47 УПК, и его обязанности;

5) допросить обвиняемого немедленно после предъявления обвинения (ст. 173 УПК);

6) предоставить обвиняемому возможность собственноручной дачи показаний (в случае его просьбы);

7) зафиксировать все ходатайства обвиняемого, заявленные во время допроса, и принять по ним мотивированное решение;

8) в случае необходимости предоставить переводчика, в том числе и бесплатного;

9) обеспечить по своему усмотрению участие обвиняемого, его законного представителя, адвоката в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству законного представителя или адвоката; а также ознакомить с протоколами этих действий и с правом подачи на них замечаний;

10) ознакомить обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы, предоставить возможность ставить вопросы эксперту;

11) ознакомить обвиняемого и его защитника с заключением эксперта;

12) предоставить возможность обвиняемому, его защитнику, законному представителю знакомиться со всеми материалами дела по окончании предварительного следствия без ограничения во времени;

13) обеспечить обвиняемому возможность снимать за свой счет копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств;

14) вручить копию постановления о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 27 УПК.

Рассмотрим отдельные права обвиняемого и обязанности следователя по их обеспечению, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее актуальными.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что привлечение лица в качестве обвиняемого может быть благоприятным для привлеченного, так как в силу закона влечет предостав-

ление ему ряда процессуальных прав и их гарантий для оспаривания обвинения, которых не было бы, если бы предварительное следствие велось в отношении именно данного лица, но без его привлечения в качестве обвиняемого. В этом случае такое лицо получило бы возможность оспаривать обвинение, представлять доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения ответственности только в конце расследования, которое проводилось без его участия. Поэтому подчас создается весьма парадоксальное положение: привлечение в качестве обвиняемого в известной мере является благоприятным для привлеченного лица, в какой-то мере оказывается в его же интересах¹.

Схожее мнение высказывал и А. М. Ларин: «Следователь формулирует и предъявляет обвинение не для того, чтобы вызвать у обвиняемого отрицательные эмоции, «нанести ему удар». Предъявлением обвинения следователь обеспечивает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется. А это необходимо обвиняемому, чтобы определить свое отношение к обвинению, оспаривать и приводить доводы, заявлять ходатайства в свою защиту. Для следователя же выяснение позиции обвиняемого, его доводов, оценка представленных им доказательств, исполнение его обоснованных ходатайств — важнейшее средство правильности, объективной истинности обвинения»².

Чтобы обвиняемый мог защищаться от предъявленного ему обвинения, законодатель установил *срок предъявления обвинения*: следователь обязан не позднее *трех суток* с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а в случае привода обвиняемого — в день его привода, при условии обеспечения следователем участия защитника, предъявить обвинение. Лишь в исключительных случаях обвинение может быть предъявлено по истечении трех суток: если не известно местопребывание обвиняемого или он не явился по вызову следователя (ст. 172 УПК). По этому поводу Э. Ф. Куцова отмечала, что усилению гарантий прав обвиняемого отвечало бы возложение на следователя обязанности *немедленно* по вынесении названного постановления принять меры к вызову обвиняемого для предъявления обвинения³.

Появление фигуры обвиняемого происходит независимо от того, знает об этом или нет лицо, относительно которого вынесено по-

¹ См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 32.

² *Ларин А. М.* Презумпция невиновности. М., 1980. С. 21, 34, 97-98.

³ В настоящее время закон не исключает предъявления обвинения на исходе третьих суток только потому, что в течение первых следователь таких мер не предпринял. См.: *Куцова Э. Ф.* Указ. соч. С. 20.

становление. С момента вынесения постановления до предъявления лицу обвинения может пройти определенный, иногда значительный, срок.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает *обязательное вручение* обвиняемому и его защитнику копии данного постановления, что, несомненно, способствует расширению его права на защиту. Предъявление обвинения — первоначальный этап реализации обвиняемым своих прав. Из постановления он узнает о содержании обвинения и получает реальную возможность опровергать его, целенаправленно строить свою защиту, представлять оправдывающие или смягчающие вину доказательства. Следовательно, в свою очередь, обязан обеспечить обвиняемому возможность реализации его права на защиту: опровергать обвинение путем дачи показаний, предоставления доказательств или заявления ходатайств об исследовании обстоятельств, имеющих значение для защиты его законных интересов, о производстве отдельных следственных действий, направленных на проверку фактических обстоятельств, и т. д.

После предъявления обвинения следователь обязан *немедленно допросить обвиняемого* (ст. 173 УПК). Путем допроса следователь устанавливает его отношение к предъявленному обвинению, проверяет правильность сделанных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого выводов, получает сведения об иных обстоятельствах преступной деятельности обвиняемого. Одновременно объяснения обвиняемого, отрицающего свою вину или указывающего на обстоятельства, смягчающие ответственность, дают возможность следователю проверить эти объяснения, а в совокупности с собранными по делу доказательствами дать им объективную оценку. Это означает, что *допрос обвиняемого является одним из средств реализации им своего конституционного права на защиту*.

В части 2 ст. 173 УПК законодатель счел возможным учитывать пожелания обвиняемого давать показания или отказаться от дачи показаний.

На страницах печати высказывалось мнение о том, что необходимо установить уголовную ответственность обвиняемого (подсудимого) за дачу заведомо ложных показаний. О. Туменко писал: «...Какими соображениями можно объяснить то, что человек, который утверждает, что он не совершал преступлений, является добропорядочным гражданином, наделен правом лгать судье?... Интересы общества состоят не только в том, чтобы не один невиновный не

был осужден, но и в том, чтобы возможно большее число преступлений было раскрыто»¹.

На наш взгляд, сама идея, предложенная автором, несостоятельна. Установление уголовной ответственности обвиняемого за дачу ложных показаний явилось бы шагом назад в истории развития уголовного процесса.

Рост преступности, отсутствие технической и материальной оснащенности, нехватка квалифицированных специалистов привели к тому, что правоохранительные органы испытывают большие трудности и перегрузки в работе. В этих условиях заманчивым может показаться отказ от некоторых процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого. Однако в правовом государстве общество заинтересовано не только в раскрытии преступлений, но и в существовании системы гарантий, обеспечивающих защиту от всевозможных следственных и судебных ошибок, не говоря уже о произволе. А обвиняемый между тем — это лицо, наделенное широким кругом прав Конституцией РФ, международными правовыми актами, нормами уголовно-процессуального законодательства.

По действующему законодательству, как отмечалось, следователь обязан допросить обвиняемого в установленные законом сроки и не вправе нарушать их. Следует, однако, учитывать ситуации, когда обвиняемый не может быть допрошен немедленно. В таких случаях, по нашему мнению, было бы целесообразно составлять протокол, в котором указывать, через какое время после предъявления обвинения он будет произведен, а также причины, по которым обвиняемый не был допрошен. В связи с этим, на наш взгляд, было бы уместным дополнить статью 173 УПК частью четвертой следующего содержания: «Если допрос обвиняемого не был произведен немедленно, об этом составляется протокол с указанием причин, по которым откладывается допрос и с указанием времени (возобновления) начала допроса.

Часть четвертую считать частью пятой».

Следует также отметить, что со временем сложилась и продолжает действовать недопустимая с позиций закона практика *допроса в качестве свидетеля будущих подозреваемых и обвиняемых*, что существенно ущемляет их права на защиту. Эта проблема обсуждалась учеными-процессуалистами и практическими работниками².

¹ Туменко О. Почему не раскрываются преступления? // Законность. 1993. № 1. С. 44-45.

² См., например: Кадышева Т., Шифинский С. Свидетель тоже нуждается в помощи адвоката // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 42-43.

Первоначально подозреваемый, обвиняемый допрашиваются в качестве свидетеля, а когда от них необходимые сведения получены, их допрашивают в ином качестве. И получается, что гражданин как свидетель обязан под страхом уголовной ответственности сообщать требуемую информацию. Затем в качестве обвиняемого он может отказаться от нее, но первоначальные показания, как правило, берутся во внимание работниками судебно-следственных органов. Представляется, что данная ситуация изменится в связи с тем, что свидетели по новому УПК наделены правом являться на допрос с адвокатами (п. 6 ч. 4 ст. 56 и ч. 5 ст. 189 УПК).

Для обеспечения права обвиняемого на защиту имеют значение права, с помощью которых он может добиваться законного и обоснованного решения важных для него вопросов.

Важен для обвиняемого вопрос о *времени вынесения постановления* о привлечении в качестве обвиняемого. Действующее уголовно-процессуальное право не устанавливает временных рамок вынесения этого акта. В статье 171 УПК указано, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится «при наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления». Иными словами, это время определяет сам следователь в каждом конкретном случае индивидуально. Зачастую предъявление обвинения совпадает с моментом объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что запоздалое предъявление обвинения есть результат несовершенства действующего уголовно-процессуального законодательства, которое не устанавливает срока этого действия. Определить срок, до истечения которого дело не может быть окончено расследованием после предъявления обвинения, не только оправданно, но и необходимо. Исходным уровнем гарантий лица, привлекаемого к уголовной ответственности, от запоздалого предъявления обвинения явилось бы установление в законодательном порядке срока, в течение которого после предъявления обвинения дело не может быть окончено производством. Таким сроком могут быть 15 суток. В течение этого срока можно проверить все доводы обвиняемого, изучить его личность и провести другие необходимые следственные действия, полагает Л. М. Васильев¹.

Вряд ли можно согласиться с таким мнением. Безусловно, совмещение моментов предъявления обвинения и объявления об

¹ См.: *Васильев Л. М.* Обеспечение прав обвиняемого при предъявлении обвинения. Волгоград, 1984. С. 71-76.

окончании предварительного следствия ущемляет право обвиняемого на защиту. Однако *следователь избирает момент предъявления обвинения* на основе собранных доказательств, по своему *внутреннему убеждению, с учетом всех обстоятельств дела*.

Выбор момента привлечения лица в качестве обвиняемого зависит как от обстоятельств дела, так и от собранных доказательств, поэтому в каждом конкретном случае следователю приходится решать вопрос о достаточности или недостаточности доказательств, находящихся в его распоряжении на данный момент для принятия решения.

Законодатель, предоставляя свободу выбора времени вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, рассчитывал на непредвзятость, объективность, порядочность, грамотность лица, производящего расследование, которое будет соблюдать требования всех норм закона. Следователя никто не освобождал от выполнения предписаний ч. 2 ст. 9 УПК.

Также недопустимо и преждевременное предъявление обвинения. Особенно часто это происходит при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого в порядке ст. 100 УПК. В этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток, иначе мера пресечения отменяется по истечении указанного срока. Поспешность следователей в решении этого вопроса подчас влечет необходимость перепредъявления обвинения, а порой приводит к ошибочному результату: обвиняемым становится гражданин, не совершавший преступления.

На предварительном следствии, как известно, обвиняемый может реализовать свои права как *лично*, так и *с помощью защитника*, участие которого — важное средство обеспечения права обвиняемого на защиту.

Интерес, на наш взгляд, вызывает новелла, внесенная в ч. 9 ст. 166 УПК, которая предусматривает право следователя при необходимости обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц не приводить данные об их личности в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель. В этом случае следователь с согласия прокурора выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне таких данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Более того, это же правило распространяется и на судебное разбирательство: согласно ч. 5 ст. 278 УПК предусмотрено проведение допроса вышеназванных участников в тех же целях без оглашения действительных данных о личности и вне визуального наблюдения другими участниками процесса, о чем судом выносится определение (постановление).

По нашему мнению, необходимо внести в ст. 47 УПК дополнение о праве обвиняемого и его защитника знакомиться со всеми материалами уголовного дела с момента предъявления обвинения, поскольку вероятность угрозы «тайным» свидетелям со стороны обвиняемого отпадает, к тому же обвиняемый не может защищаться «вслепую», не зная, на чем основано обвинение.

В статье 47 УПК не предусмотрено наличие каких-либо *обязанностей обвиняемого*. Некоторые процессуалисты считают, что уголовно-процессуальное право не обязывает обвиняемого не скрываться от следствия и суда, не препятствовать установлению истины по делу, не заниматься преступной деятельностью¹. Однако, проанализировав ст. 98 УПК, мы соглашаемся с мнением В. Т. Очерединой о том, что уголовно-процессуальное право возлагает обязанности по надлежащему поведению: не скрываться от дознания, предварительного следствия и суда, не препятствовать установлению истины по делу, не заниматься преступной деятельностью². Эти обязанности как бы вытекают из других норм УПК: ст. 113, из смысла которой следует обязанность явки обвиняемого в назначенный срок; ст. 179 (освидетельствование); ст. 202 (получение образцов для сравнительного исследования).

В связи с изложенным мы предлагаем дополнить ст. 47 УПК перечнем *обязанностей* обвиняемого: являться по вызовам следователя в назначенный срок; выполнять решения следователя, выносимые в связи с расследованием уголовного дела; выполнять обязанности по надлежащему поведению (не скрываться от дознания, следствия и суда; не препятствовать производству по делу; не заниматься преступной деятельностью). Мы считаем, что обвиняемый должен знать свои обязанности наряду со своими правами, и следователь обязан их разъяснять при объявлении его прав.

Итак, можно констатировать, что:

¹ См.: Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. М., 1986. С. 85-86.

² См.: Очерединой В. Т. Юридическая природа мер пресечения в уголовном процессе // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987. С. 67.

— принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, в силу особой важности, относится к числу конституционных принципов уголовного процесса (ст. 45, 48 Конституции Российской Федерации);

— право подозреваемого и обвиняемого на защиту включает в себя не только обязанность следователя разъяснить им права, содержащиеся в ст. 16, 46, 47 УПК, но и принять меры по их обеспечению.

§ 5. Обеспечение допустимости доказательств. Требования закона относительно источников доказательственной информации, субъектов, порядка собирания и оформления

Как отмечалось ранее, важной гарантией соблюдения законности, обеспечения прав и законных интересов участников предварительного расследования выступает закрепленный в ч. 2 ст. 50 Конституции России запрет на использование доказательств, полученных с нарушением норм федерального закона.

В соответствии со ст. 74 УПК Российской Федерации доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Чтобы любые сведения и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, стали доказательствами по делу, они должны отвечать требованиям относимости и допустимости.

Относимость характеризуется как свойство доказательства, отражающее объективно существующую, безусловно определенную связь между содержащимися в доказательстве сведениями об обстоятельствах преступления и самими этими обстоятельствами¹, т. е. пригодность доказательств по содержанию (иными словами, отнесение данной информации к расследуемому уголовному делу²). Под *допустимостью доказательств* традиционно понимается пригодность доказательств с точки зрения их процессуальной формы: законности источников, способов получения до-

¹ См.: Будников В. Л. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 111.

² См.: Очередин В. Т. Допустимость и недопустимость по уголовным делам доказательств. Волгоград, 1998. С. 9.

формы: законности источников, способов получения доказательств и процессуального оформления.

Темой нашего исследования является проблема допустимости доказательств.

Доказательства признаются допустимыми, если они:

1. *ПОЛУЧЕНЫ* из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК ими являются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 4) заключение и показания специалиста; 5) вещественные доказательства; 6) протоколы следственных и судебных действий; 7) иные документы. Сравнительный анализ ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР и ч. 2 ст. 74 УПК показывает, что перечень источников в уголовно-процессуальном законодательстве России несколько видоизменился. В указанный перечень по действующему законодательству справедливо отнесены показания эксперта, а также заключение и показания специалиста. Необходимость такого дополнения источников доказательств назрела давно, так как, несмотря на отсутствие законодательного закрепления в ст. 69 УПК РСФСР в перечне источников доказательств показаний эксперта, на практике его показания применялись в качестве таковых. Так, ст. 289 УПК РСФСР именовалась «Допрос эксперта» и предусматривала получение показаний эксперта в судебном заседании.

Однако по непонятной причине из перечня источников исключены «акты ревизий и документальных проверок», которые содержались в отмененном законе. Они также не отнесены и к «иным документам», понятие которых раскрывается в ст. 84 УПК, тогда как производство ревизий, документальных проверок предусмотрено ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Любопытно, в каком качестве должны оцениваться акты ревизий и указанных проверок.

В юридической литературе также справедливо отмечается об отсутствии в законе (ст. 83 УПК) перечня следственных действий, протоколы которых признавались бы в качестве средств доказывания, как это было сделано в ст. 87 УПК РСФСР между тем в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в числе доказательств называются «протоколы следственных и судебных действий»¹.

¹ Глебов В. Г. Эффективность регламентации доказывания: новый УПК — новые проблемы // Новый УПК РФ: проблемы законодательства, теории и практики: Сб. науч. тр. Волгоград, 2002. С. 48.

2. Собраны уполномоченными на то участниками уголовного процесса:

а) собраны в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом (ч. 1 ст. 86 УПК);

б) собраны и представлены (письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств) подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями (ч. 2 ст. 86 УПК);

в) собраны защитником путем:

— получения предметов, документов и иных сведений;

— опроса лиц с их согласия;

— истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК).

Изложенное свидетельствует о том, что в целях расширения прав отдельных участников предварительного расследования законодатель существенно расширил круг лиц, наделенных правом собирать доказательства по уголовному делу.

Данная новелла вызвала неоднозначную реакцию со стороны ученых-процессуалистов. Так, например, В. Г. Глебов справедливо задается вопросом о том, каков механизм реализации права собирания доказательств защитником, как это должно процессуально оформляться; каковы способы собирания и представления письменных документов и предметов подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом и ответчиком, а также их представителями?¹

В. Л. Будников, анализируя положения ч. 2 ст. 86 УПК России, размышляет о том, что наделение законодателем перечисленных в данной норме субъектов правом не только представлять доказательства, но и собирать их, стало возможным вследствие применения при принятии нового Уголовно-процессуального кодекса недостаточно выверенной и точной законодательной технологии, так как здесь налицо выраженная логическая противоречивость отдельных правовых норм².

¹ См.: Глебов В. Г. Указ соч. С. 46-47.

² См.: Будников В. Л. Правовая регламентация процесса доказывания // Новый УПК РФ: Проблемы законодательства, теории и практики: Сб. науч. тр. Волгоград, 2002. С. 50-51.

Данный пункт требования признания доказательств допустимыми предусматривает, кроме собирания, еще их *исследование и оценку*. По уголовно-процессуальному законодательству таким правом наделены только должностные лица и органы, уполномоченные осуществлять предварительное расследование и судебное разбирательство (ст. 87 и 88 УПК).

3. Получены с соблюдением предусмотренного законом процессуального способа.

Уголовно-процессуальное законодательство России в отличие от УПК РСФСР (ст. 70) необоснованно сузило способы собирания доказательств. Так, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ указывается, что собирание доказательств осуществляется... дознавателем, следователем, прокурором и судом *путем производства следственных и иных процессуальных действий*. Как отмечалось выше, способы собирания доказательств субъектами, указанными в ч. 2 ст. 86 УПК России, не раскрываются вообще.

Что подразумевает закон в этом конкретном случае под понятием «иных процессуальных действий» — абсолютно не ясно. Данное понятие не расшифровывается и в ст. 5 УПК. Возможно, под ними следует понимать способы собирания доказательств, которыми наделен защитник (ч. 3 ст. 86 УПК).

На наш взгляд, следовало бы по аналогии со ст. 70 УПК РСФСР в УПК России более точно перечислить способы собирания доказательств по уголовным делам, что способствовало бы единообразному толкованию и применению закона.

4. Соблюден процессуальный порядок и процессуальное оформление получения доказательств.

Перечень следственных и процессуальных действий указан в Уголовно-процессуальном кодексе. Причем признаваемое по УПК РСФСР в качестве следственного действия наложение ареста на имущество отнесено к иным мерам процессуального принуждения (п. 4 ч. 1 ст. 111 УПК). В систему следственных действий оправданно включена проверка показаний на месте (ст. 194 УПК).

«Процессуальный порядок производства и процессуальное оформление следственных действий строго регламентированы законом, точное соблюдение которого — одно из обязательных условий допустимости», — справедливо отмечает В. Т. Очередин¹.

¹ См.: Очередин В. Т. Указ. соч. С. 14.

Российское уголовно-процессуальное законодательство впервые в ст. 75 УПК закрепило положение о недопустимых доказательствах.

В соответствии с данной нормой все доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми. Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК России.

К недопустимым доказательствам относятся:

— показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым и обвиняемым в суде;

— показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

— иные доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Данная новация представляет интерес. *Как, например, поступить следователю или дознавателю в том случае, когда он перед производством любого процессуального или следственного действия разъясняет подозреваемому и обвиняемому его право на защиту с участием адвоката, последний отказывается от его участия, но впоследствии на суде заявляет, что он не понял всей серьезности положения или что следователь заставил его отказаться от услуг защиты и т. д.?* Представляется, что практические работники правоохранительных органов, ведущие расследование, при производстве по делу будут приглашать адвокатов, чтобы обвиняемый официально отказался от его услуг в присутствии самого защитника.

Известно, что до принятия нового уголовно-процессуального законодательства должностные лица, осуществляющие расследование по делу, допускали использование незаконных способов собирания доказательств, составляя, например, так называемые «суррогаты» доказательств — документы, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством (например, «Акт обнаружения и изъятия»). Причем суды благосклонно относились к данному способу сбора доказательств. Как же обстоят дела со сбором доказательств на современном этапе? Анализ уголовных дел показал, что

сотрудники органов дознания, выполняющие оперативно-разыскные мероприятия на первоначальном этапе, при выезде на место происшествия, сбор доказательств также оформляют «актом обнаружения и изъятия», затем передают материалы следователю. Следователь после возбуждения уголовного дела выносит постановление о производстве выемки и осуществляет изъятие изложенных выше доказательств у сотрудников органа дознания, составляя при этом протокол выемки, после чего подробно допрашивает его об обстоятельствах «обнаружения и изъятия» доказательств. Примечательно, что суды полученные таким способом доказательства признают допустимыми¹.

¹ Здесь и далее приведены сведения из анализа архивных уголовных дел судов г. Волгограда.

ГЛАВА 2 || ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРАВООГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

§ 1. Обеспечение прав участников расследования при выемке и обыске

В процессе расследования преступлений следователю, дознавателю в целях защиты интересов других лиц нередко приходится осуществлять следственные и процессуальные действия, ограничивающие конституционные права и законные интересы отдельных участников предварительного расследования (подозреваемых, обвиняемых, реже потерпевших, свидетелей или иных лиц).

Выемка и обыск — неотложные следственные действия, существенно затрагивающие конституционные права граждан на *неприкосновенность* личности (ст. 21 Конституции России, ст. 10 УПК РФ), жилища (ст. 25 Конституции, ст. 12 УПК РФ) и частной жизни, личной и семейной тайны (ст. 23 Конституции). Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство России предусмотрело производство указанных следственных действий с *санкции суда* (п. 5, 6 ч. 2 ст. 29 УПК) с 1 января 2004 г. (исключение составляет выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, которая осуществляется с санкции прокурора — ч. 4 ст. 183 УПК). Кроме того, в ч. 7 ст. 182 УПК, регламентирующей основания и порядок производства обыска, закреплена обязанность следователя принимать меры с целью недопущения оглашения выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личной и (или) семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц.

Законодатель четко установил основание производства выемки: если *точно известно*, где и у кого находятся определенные предметы и документы, имеющие значение для дела (ч. 1 ст. 183 УПК). Однако основания для производства обыска закон обозначил весьма расплывчато. Таковыми являются *достаточные данные* о том, что в каком-либо месте или у кого-либо могут находиться

имеющие значение для уголовного дела орудия преступления, предметы, документы и ценности, разыскиваемые лица, трупы.

Законодатель не расшифровывает понятие «достаточных данных». Эта формулировка полностью без изменения воспроизведена из ч. 1 ст. 168 УПК РСФСР.

В юридической литературе в течение долгого времени ученые пытаются определиться, что же подразумевается под данным основанием. Одни авторы полагают, что основанием для принятия решения о производстве следственного действия должны использоваться доказательства, а сведения, полученные непроцессуальным путем, доказательствами не являются и основанием для производства следственного действия не могут служить¹. Другие допускают более расширительное понимание «достаточных оснований» для производства обыска: либо наличие доказательств, либо сведений, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности².

Нельзя не согласиться с мнением В. С. Шадрина, который справедливо опасается, что подобная позиция уже чревата возможностью произвольного ограничения права личности на неприкосновенность жилища, поскольку при наличии возможности альтернативы в выборе оснований для проведения обыска нельзя исключить, что следователь выберет ввиду разных причин второй вариант (данные ОРД) или в порядке вещей начнет отдавать ему предпочтение, выбирая путь наименьшего сопротивления³.

Следует отметить, что опасения ученого на этот счет не беспочвенны. И проблема, на наш взгляд, заключается не столько в том, как понимать значение словосочетания «достаточные данные», а в слове «полагать», значение которого толковый словарь разъясняет как «считать, думать, вероятно, может быть»⁴. Учитывая, что наличие достаточных данных (если под ними подразумевать наличие доказательств) должно давать полную уверенность о местонахождении и возможности нахождения искомых объектов в определенном месте, то наличие достаточных данных полагать (т. е. «считать», «вероятно», «может быть») уже подразумевает в качестве оснований производства обыска не только доказательства, но и данные оперативно-разыскной информации. Именно недоказанная информация позволяет считать и думать, т. е. полагать. А доказа-

¹ См.: Белозеров Ю. Н., Рябоконт В. В. Производство следственных действий. М., 1990. С. 5.

² См.: Дознание в органах внутренних дел. М., 1986. С. 63; Рыжаков А. П. Комментарий к УПК РФ от 22. 11. 2001. М., 2002. С. 457.

³ См.: Шадрин В. С. Указ. соч. С. 77-78.

⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 550.

тельства дают полную уверенность в необходимости и результатах обыска.

В части 11 ст. 183 УПК приводится перечень лиц, которые могут и вправе участвовать в производстве обыска, среди которых по неизвестной причине отсутствует представитель администрации организации, где проводится обыск. О его праве на участие в производстве данного следственного действия можно догадаться, лишь ознакомившись с частью 15 этой же статьи, которая гласит: «Если обыск производился в помещении организации, то копия протокола вручается под расписку представителю администрации соответствующей организации». Здесь налицо ущемление прав юридических лиц.

Далее, в отличие от законодательства РСФСР, УПК России не регламентирует ситуации, когда лицо, в помещении которого проводится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи отсутствуют. Как должно поступить лицо, производящее обыск? Статья 169 УПК РСФСР допускала в случае невозможности присутствия вышеперечисленных лиц при обыске и выемке приглашение представителя жилищно-эксплуатационной организации, исполнительного комитета поселкового или сельского Совета народных депутатов. Думается, что ст. 182 и 183 УПК России требуют в этой части конкретизации и дополнения.

Обыск предполагает вскрытие любых помещений, в случае если владелец отказывается добровольно открыть их. При этом оговаривается недопущение невызываемых необходимостью повреждений имущества (ч. 6 ст. 182 УПК). Вместе с тем закон не предпринял никаких мер к обеспечению сохранности имущества лица, в помещении которого производился обыск в отсутствие данного лица и совершеннолетних членов его семьи после его окончания в случае, если при производстве данного следственного действия осуществлялось принудительное вскрытие дверей, запорных устройств и т. д.

Интерес представляют положения ч. 5 ст. 183 УПК, регламентирующей производство *принудительной выемки* в случае отказа выдать добровольно предметы и документы, подлежащие изъятию. Закон не уточняет, в чем заключается *принудительность*, как ее реализовать.

Очевидно, законодатель подразумевает то, что коль скоро выемка производится *только* тогда, когда *точно известно*, где и у кого находятся определенные предметы или документы и нет необходимости их разыскивать, лицо, производящее выемку, вначале предлагает их выдать добровольно, а в случае отказа в выдаче, *точно зная их местонахождение*, изымает принудительно.

Однако если лицо, в помещении которого производится выемка, *отрицает*, что имеющие значение для дела предметы и документы находятся в данном помещении, *выемка «переходит» в обыск*.

Выемка, обыск, личный обыск производятся по общим правилам производства следственных действий, изложенным в ст. 164 УПК России, которая предусматривает необходимость разъяснения прав участникам, запрет производить следственные действия в ночное время, возможность применения научно-технических средств при их производстве, недопущение применения насилия, угроз, иных незаконных мер, создание опасности для жизни и здоровья, удостоверение факта ознакомления с содержанием следственного действия и т. д.

В данной статье, как справедливо отмечает С. А. Шейфер, отсутствуют предписание о защите чести и достоинства участников следственных действий, запрет на разглашение сведений об обстоятельствах их интимной жизни¹.

Действительно, как уже отмечалось, данное предписание, содержащееся в ч. 7 ст. 182 УПК, в ст. 184 УПК, регламентирующей производство личного обыска, это отсутствует. Конечно, права И. А. Соловьева, предлагающая включить это предписание в правила общего характера производства следственных действий, изложенные в ст. 164 УПК².

Известно, что в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК России защитник участвует в деле также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, и в п. 11 ст. 183 УПК «Основания и порядок производства обыска» законодатель учел данное обстоятельство. Однако ни в ст. 183 УПК, регламентирующей основания и порядок производства выемки, ни в ст. 184 УПК «Личный обыск» оно не указывается. Данное правило не оговаривается и в статье 164 УПК, регламентирующей общие правила производства следственных действий, а также в ст. 179 «Освидетельствование», ст. 115 «Наложение ареста на имущество», ст. 202 «Получение образцов для сравнительного исследования», которые будут рассмотрены далее.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что выемка, обыск, личный обыск влекут серьезное вторжение в сферу прав граждан и

¹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001. С. 41.

² См.: Соловьева И. А. Система следственных действий по новому УПК РФ и некоторые особенности их проведения // Новый УПК РФ: проблемы законодательства, теории и практики: Сб. науч. тр. Волгоград, 2002. С. 73.

должны производиться только в случае действительной необходимости при строгом соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства, которое требует в этой части дальнейшего совершенствования.

§ 2. Обеспечение прав участников расследования при освидетельствовании и получении образцов для сравнительного исследования, назначении и производстве экспертиз

С этимологической точки зрения слово «освидетельствовать» происходит от слова свидетельствовать, которое толкуется как «осматривать с целью определения чего-нибудь, кого-нибудь (например больных)»¹. Возможно, именно поэтому освидетельствование как следственное действие, справедливо отмечают процессуалисты, по своей познавательной сущности очень сходно со следственным осмотром. Но обследованию подвергается особый субъект — тело живого человека².

При производстве данного следственного действия затрагивается такой конституционный принцип, как неприкосновенность личности, закрепленный в ст. 10 УПК. Однако в ст. 10 УПК об освидетельствовании даже не упоминается. По нашему мнению, этот пробел можно устранить путем внесения дополнения в указанную норму: после слов «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу» словами «а также запрещается применять меры процессуального принуждения и иные процессуальные действия, затрагивающие права и свободы личности, при отсутствии на то законных оснований...» (далее по тексту). Кроме того, в ст. 5, регламентирующую основные понятия, используемые в УПК России, целесообразно внести пункт, четко разъясняющий понятие «иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы». Полагаем, что, учитывая содержание раздела IV УПК, под мерами процессуального принуждения понимаются задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14), куда отнесено в числе прочих наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК), логически можно сделать вывод, что освидетельствование (ст. 179 УПК), по-

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 459, 701.

² См.: Глебов В. Г. Следственные действия // Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 267.

лучение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК), помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК) следует отнести к «иным процессуальным действиям, затрагивающим права и свободы», так как указанные действия осуществляются *принудительно*.

Учитывая, что объектом освидетельствования является тело живого человека, запрещается осуществление действий, унижающих *честь* участников данного следственного действия, а также обращение, унижающее его *человеческое достоинство* (ст. 9 УПК), однако ни в ст. 179 УПК «Освидетельствование», ни в ст. 164 УПК «Общие правила производства следственных действий», к которой отсылает законодатель, данные рекомендации не предусмотрены.

Субъектами освидетельствования в соответствии со ст. 179 УПК являются: 1) подозреваемый, 2) обвиняемый, 3) потерпевший, 4) свидетель.

Причем по смыслу нормы освидетельствование в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего может осуществляться принудительно (только в отношении свидетеля — с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний). Это вытекает из содержания ч. 2 ст. 179 УПК, в которой указано, что о производстве освидетельствования следователь выносит постановление, которое является *обязательным* для освидетельствуемого лица. Но законодательно данное требование не закреплено.

В уголовно-процессуальном законодательстве России по-прежнему не предусмотрены ответственность и меры воздействия в отношении субъекта, отказавшегося пройти освидетельствование. Можно было бы предположить, что в соответствии с ч. 3 ст. 97 УПК к подозреваемому или обвиняемому при этом можно применить меру пресечения, поскольку он «иным путем препятствует производству по уголовному делу», однако речь может идти лишь о тех мерах, которые не связаны с лишением свободы, поскольку ст. 108 УПК «заключение под стражу» не содержит такого основания для его избрания. А другие меры пресечения недостаточно эффективны в этом случае: подозреваемому и обвиняемому легче отказаться от освидетельствования и помешать собрать доказательства своей вины, нежели, например, заплатить залог или оказаться под подпиской о невыезде. Указанные обстоятельства, несомненно, влекут за собой определенные последствия, препятствующие реализации прав потерпевших, пострадавших от преступлений, на получение своевременной защиты и обеспечения их безопасности. Кроме того, изложенные

обстоятельства затрудняют деятельность лиц, ведущих расследование, по сбору доказательств по горячим следам.

Что касается принуждения потерпевших и свидетелей к освидетельствованию, то в их отношении в УПК также не предусмотрено конкретных мер принуждения за отказ от освидетельствования, за исключением «напоминания» в ч. 5 ст. 56 УПК, регламентирующей процессуальное положение свидетеля, о том, что свидетель может быть подвергнут принудительному... освидетельствованию в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 179 УПК. Следует отметить, что ст. 42 УПК, регламентирующая правовое положение потерпевшего, такого предписания не содержит.

Отказ потерпевшего от освидетельствования на практике крайне редкое явление, и, чаще всего, оно связано либо с непониманием необходимости и важности в его же интересах этого следственного действия, либо с ложным чувством стыда, поэтому разрешить данную ситуацию возможно путем спокойного разъяснения, убеждения потерпевшего в необходимости производства освидетельствования.

Что касается свидетеля, здесь все зависит от того, свидетель какой стороны — обвинения или защиты — подвергается освидетельствованию. Если это свидетель со стороны обвинения, думается, проблему можно разрешить. А свидетель другой стороны вряд ли поступит в ущерб интересам подозреваемого, обвиняемого. Возможно, ситуацию можно было бы разрешить путем введения денежного штрафа в отношении свидетелей, отказавшихся пройти освидетельствование.

Важной является проблема производства освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела. По смыслу ч. 4 ст. 146 УПК производство этого следственного действия разрешено до возбуждения уголовного дела. Но законодатель не урегулировал его производство ни *по субъектам*, в отношении кого оно могло бы проводиться (поскольку в стадии возбуждения уголовного дела участниками являются: лицо, совершившее противоправное деяние; лицо, пострадавшее от преступления, и очевидцы, а не участники, указанные в ч. 1 ст. 179 УПК); ни *по процессуальному порядку и оформлению*.

В части 4 ст. 179 УПК четко предписано правило, запрещающее следователю присутствовать при освидетельствовании лица другого пола. В этой связи в юридической литературе высказаны предложения о возможности поручения следователем его производства следователю или дознавателю того же правоохранительного органа, в котором он работает, вынесением «отдельного поручения»¹.

¹ См.: Глебов В. Г. Указ. соч. С. 268.

Однако следует заметить, что если в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК предусмотрена дача отдельного поручения органу дознания, то такого же права у следователя относительно дачи отдельного поручения следователю своего же подразделения не предусмотрено. Это возможно лишь в случае передачи уголовного дела другому следователю, и прежде чем приступить к производству любого следственного действия, следователь обязан принять дело к своему производству, т. е. необходимо выполнить определенную процедуру.

Таким образом, освидетельствование — довольно сложное следственное действие, затрагивающее права, интересы субъектов, подлежащих его производству.

Получение образцов для сравнительного исследования

Данное следственное действие не «избаловано» вниманием процессуалистов, между тем оно требует к себе внимания, так как его выполнение сопряжено с принуждением, вмешательством в права и личные интересы подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, т. е. лиц, в отношении которых оно осуществляется.

В Уголовно-процессуальном кодексе ст. 202, регламентирующая получение образцов для сравнительного исследования, включена в главу 27, посвященную производству судебной экспертизы. В учебниках, учебных пособиях материал о получении образцов для сравнительного исследования излагается вскользь и кратко в главах, посвященных производству судебной экспертизы. Такое положение отчасти оправдывается тем, что данное следственное действие либо предшествует назначению и производству экспертизы, либо является ее частью.

Тем не менее ученые-процессуалисты не сомневаются в том, что получение образцов для сравнительного исследования — самостоятельное следственное действие.

В отличие от освидетельствования, которое в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК России *«может быть произведено»*, образцы для сравнительного исследования следователь *вправе* получить у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах.

Если следователь *«вправе»*, значит другая сторона *«обязана»*, третьего не дано.

Надо отдать должное законодателю в том, что в отличие от ст. 186 УПК РСФСР, уголовно-процессуальное законодательство учло, что рассматриваемое следственное действие затрагивает такие конституционные права граждан, как уважение чести и достоинства личности и неприкосновенность личности, и запретило при получении образцов для сравнительного исследования применение методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК).

Данное следственное действие в конечном итоге направлено на получение важных доказательств по уголовному делу, так как иногда производство судебной экспертизы невозможно, если нет образцов, которые являются объектами экспертиз. Это особенно актуально в тех случаях, когда заключение эксперта является чуть ли не единственным доказательством вины обвиняемого.

Несмотря на то что в ст. 202 УПК содержится предписание о том, что следователь *вправе* в предусмотренном законом порядке изъять указанные образцы для сравнительного исследования, законодательство не установило ответственности для лиц, которые *обязаны* сдать такие образцы.

Естественно, данное обстоятельство осложняет деятельность органов, ведущих расследование по делу, зачастую ставя их в положение, когда они вынуждены балансировать между нарушением закона, связанным с ущемлением конституционных прав и свобод личности, с одной стороны, и раскрытием преступлений — с другой, с благой целью обеспечения прав потерпевших от преступлений, которые имеют право быть защищенными со стороны государства.

По нашему мнению, выходом из данной ситуации послужило бы дополнение ст. 97 УПК частью третьей следующего содержания: «В случае нарушения подозреваемым, обвиняемым избранной меры пресечения суд, прокурор, следователь вправе избрать более строгую меру пресечения, вплоть до заключения под стражу». Кроме того, в ст. 5 УПК целесообразно внести новый пункт, содержащий разъяснение понятия «*иной путь воспрепятствования по уголовному делу*» — это «отказ подозреваемого, обвиняемого от освидетельствования, сдачи образцов для сравнительного исследования, отказ от производства судебной экспертизы...», так как это одно из оснований для избрания меры пресечения, нарушение которой может повлечь за собой ее ужесточение. Данные положения послужили бы действенным инструментом воздействия на подозреваемых, обвиняемых.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, при производстве данного следственного действия его участники должны быть наделены правом на защиту, включая потерпевших и свидетелей, так как, на наш взгляд, ч. 5 ст. 49 УПК не соответствует ч. 2 ст. 48 Конституции России, которая предусматривает *право на квалифицированную юридическую помощь адвоката каждому* лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах. А часть 5 ст. 49 УПК предоставляет право с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, *подозреваемого* в совершении преступления, т. е. в данной части Федеральный закон, вопреки предписанию Основного закона, ущемляет права других участников предварительного следствия.

Учитывая, что в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК назначение экспертизы разрешается до возбуждения уголовного дела, может возникнуть необходимость и в изъятии образцов для сравнительного исследования на первоначальной стадии, что соответственно потребует правовой регламентации.

Некоторые отдельные аспекты данного следственного действия частично рассмотрены нами в предыдущих параграфах главы.

Назначение и производство экспертизы — это предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс действий следователя и эксперта, а также затрагивающий права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

В юридической литературе оно именуется как «проведение экспертизы» и признано следственным действием¹.

Назначение и производство экспертизы регламентируется Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», принятым Государственной Думой РФ 5 апреля 2001 года² и уголовно-процессуальным законом России (ст. 195-207 гл. 27 УПК).

Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство существенно расширило права участников уголовного судопроизводства как при назначении, так и производстве экспертизы.

¹ См.: Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 283.

² См.: О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

Так, в соответствии со ст. 198 УПК при назначении и производстве судебной экспертизы *подозреваемый, обвиняемый, его защитник* вправе:

1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Кроме того, часть вторая указанной нормы наделяет *свидетеля и потерпевшего, в отношении которых производилась судебная экспертиза*, правом знакомиться с заключением эксперта, а потерпевшего — также правом знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и правом заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении.

По нашему мнению, здесь налицо ущемление прав потерпевшего. Потерпевший — это лицо, которому преступлением причинен вред, и он, как никто, заинтересован в том, чтобы виновные лица были привлечены к уголовной ответственности, а его нарушенные права восстановлены. Поэтому он вправе, наряду с подозреваемым и обвиняемым, имея защитника, быть наделенным правами, предусмотренными пп. 3-6 ч. 1 ст. 198 УПК России, а не только ознакомливаться с заключением эксперта об экспертизе, которая производилась конкретно в его отношении, так как все вышеизложенное касается и потерпевшего, чьи права и интересы ущемлены, нарушены преступлением.

Мы присоединяемся к мнению ученых, которые справедливо отмечают, что законодателю следовало бы учесть и интересы гражданского истца и ответчика, а также их представителей при назначении и производстве экспертизы, так как данное действие зачастую затрагивает их личные и имущественные права. Кроме того,

необходимо распространить правила, предусмотренные пп. 1, 2 ч. 1 ст. 198 УПК, и на этих участников уголовного процесса, уравнивая их в правах при проведении экспертизы с потерпевшим¹.

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство существенно ограничивает и право обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы и даче объяснений эксперту, необоснованно ставя реализацию данного права в зависимость от разрешения следователя.

С другой стороны, расширению прав подозреваемого и обвиняемого, на наш взгляд, способствует помещение указанных субъектов, не содержащихся под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или психиатрической экспертизы только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 203 УПК), а также прерывание срока предъявления обвинения, предусмотренного ст. 100 и 172 УПК, до получения заключения эксперта в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы. Данный срок оговаривается в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: первоначальный срок пребывания в стационаре — 30 дней, который может быть продлен по ходатайству эксперта или комиссии экспертов судьей районного суда по месту нахождения указанного стационара еще на 30 дней; в исключительных случаях в том же порядке возможно повторное продление срока пребывания лица в медицинском стационаре, но при этом общий срок при производстве одной экспертизы не может превышать 90 дней (ст. 30 Закона «Сроки пребывания лица в медицинском стационаре»). Нарушение указанных сроков может быть обжаловано лицом, его защитником, законным представителем или иными представителями, допущенными к участию в деле, а также руководителем медицинского стационара в порядке, предусмотренном УПК РФ или непосредственно в суд по месту нахождения стационара (п. 8 ст. 30 Закона).

Следует отметить положительный факт — Федеральный закон предусматривает норму, регламентирующую гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судеб-

¹ См.: Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 288.

ная экспертиза с соблюдением конституционных прав граждан (ст. 31 Закона).

Известно, что действующим законодательством участники наделены правом на назначение экспертизы вне экспертного учреждения (ч. 2 ст. 195; ч. 4 ст. 199 УПК). Однако на этот счет в юридической литературе высказывается неоднозначное мнение, которое предостерегает следователей от возможных ошибок. Так, В. И. Внуков отмечает, что в отличие от экспертов экспертных подразделений ОВД, которые загружены большим количеством экспертиз, выездами на осмотры мест происшествия и участием в других следственных действиях в качестве специалистов и поэтому имеющие в своей работе элементы упрощенчества, поспешности, формализма, исключение творческого подхода, работа «по шаблону», *независимый эксперт* выполняет свою работу, взимая с заказчика определенную плату. И поэтому он заинтересован в качестве работы и обнаружении в заключении «официального» эксперта как можно больше ошибок, т. е. стремится, чтобы его заключение было полным и более представительно и убедительно выглядело в суде как доказательство. Автора настораживает вопрос и о методическом необеспечении независимого эксперта, а также об отсутствии технической оснащенности учреждений независимой экспертизы и проблема ненадлежащего хранения вещественных доказательств в лабораториях независимого эксперта. Поэтому он считает, что следователь (и суд) при сравнении экспертиз должны тщательно взвесить их выводы с учетом всех вышеизложенных обстоятельств¹.

Указанные недостатки на практике могут привести к нарушению прав одних участников в интересах других.

В настоящем разделе рассмотрены лишь отдельные, наиболее актуальные, по мнению автора, аспекты обеспечения прав участников назначения и производства экспертизы, поскольку детальное изложение вопросов реализации прав участников данного следственного действия является темой самостоятельного исследования ввиду его многогранности и объемности.

¹ Подробнее об этом см.: Внуков В. И. Независимая экспертиза и связанные с ней конфликтные ситуации // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии: Сб. науч. тр. Волгоград, 2003. С. 168-169.

§ 3. Обеспечение прав участников расследования при наложении ареста на имущество

Вопросам наложения ареста на имущество в уголовно-процессуальном законодательстве России посвящены ст. 115-116, в которых достаточно подробно регламентируются порядок, основания осуществления данной меры принуждения. Рассмотрим отдельные аспекты проблемы.

Наложение ареста на имущество в соответствии с новым уголовно-процессуальным законом возможно лишь по судебному решению, что является гарантией соблюдения конституционного права личности на частную собственность (ст. 35 Конституции).

Наложение ареста на имущество является обязанностью органов предварительного расследования, которая вытекает из смысла п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК, предусматривающей одно из назначений уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Вместе с тем применение этой процессуальной меры не лишает лицо права на частную собственность, а лишь ограничивает, поскольку право на его конфискацию принадлежит только суду.

Тем не менее суд, давая согласие на наложение ареста на имущество, должен быть предельно внимательным, так как допущенная ошибка может повлечь за собой необоснованное нанесение крупных убытков имуществу субъектов, в отношении которых оно применено, поскольку при наложении ареста на принадлежащие подозреваемому, обвиняемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест (ч. 7 ст. 115 УПК).

В части 4 ст. 115 УПК приведен перечень имущества, на которое не может быть наложен арест. Однако из данной нормы исключено положение о том, что в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного закона конфискации также не подлежат принадлежащие осужденному на правах частной собственности или являющиеся его долей в общей собственности:

1) жилой дом, квартира или отдельные их части, если осужденный и его семья постоянно в них проживают (не более одного дома или одной квартиры на семью);

2) земельные участки, на которых расположены не подлежащие конфискации дом и хозяйственные постройки, а также земельные

участки, необходимые для ведения сельского или подсобного хозяйства;

3) у осужденного, основным занятием которого является сельское хозяйство, — хозяйственные постройки и домашний скот в количестве, необходимом для удовлетворения минимальных потребностей его семьи, а также корм для скота;

4) семена, необходимые для очередного посева сельскохозяйственных культур;

5) предметы домашней обстановки, утвари, одежды:

— одежда, обувь, белье, постельные принадлежности, кухонная и столовая утварь, находящиеся в употреблении;

— мебель, минимально необходимая для осужденного и членов его семьи;

— все детские принадлежности;

6) у осужденного, основным занятием которого является сельское хозяйство, — продукты питания в количестве, необходимом для осужденного и его семьи до нового урожая, а у остальных осужденных — продукты питания и деньги на общую сумму, равную трем минимальным размерам оплаты труда на осужденного и каждого из членов его семьи;

7) топливо, предназначенное для приготовления пищи и отопления жилого помещения семьи осужденного;

8) инвентарь (в том числе сельскохозяйственная техника), а также пособия и книги, необходимые для продолжения профессиональных знаний осужденного и членов его семьи, за исключением случаев, когда осужденный приговором суда лишен права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо когда инвентарь использовался им для совершения преступления;

9) транспортные средства, специально предназначенные для передвижения инвалидов;

10) международные и иные призы, которыми награжден осужденный (приложение № 1 к Уголовно-исполнительному кодексу РФ).

Следовательно, на перечисленное выше имущество также запрещено накладывать арест, так как Федеральный закон не отменен. По нашему мнению, указанный перечень имущества следует приобщить в виде приложения к УПК России для удобства пользования.

Данная мера процессуального принуждения осуществляется в основном для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, а также других имущественных взысканий и поэтому иму-

щество, подвергаемое аресту, по своей ценности должно быть эквивалентно ущербу, понесенному пострадавшим от преступления¹.

Наложение ареста на имущество особенно важно осуществлять на первоначальном этапе расследования, пока подозреваемые, обвиняемые или лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия, не приняли мер к сокрытию имущества, на которое может быть наложен арест. Поэтому обычно данная мера принуждения осуществляется совместно с такими неотложными следственными действиями, как обыск или выемка. Однако необоснованная спешка при принятии решения может повлечь за собой негативные последствия, особенно в случае, если изъятое при аресте имущество утрачено, испорчено, повреждено, а наложение ареста на имущество отменено в связи с тем, что: изменена квалификация обвинения на статью, не предусматривающую конфискацию имущества; не доказано, что имущество «других лиц» приобретено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого; дело полностью прекращено производством или прекращено именно в части, в связи с которой был наложен арест; при отказе судом в удовлетворении гражданского иска; при осуждении подсудимого без конфискации имущества; в процессе расследования материальный ущерб, принесенный преступлением, был добровольно возмещен. В этом случае вред, причиненный подозреваемому, обвиняемому или иным названным выше лицам, может быть возмещен за счет казны Российской Федерации в исковом порядке решением суда в соответствии со ст. 1069 ГК РФ.

Следует учесть, что, защищая интересы потерпевших, уголовный закон России, в отличие от отмененного законодательства РСФСР, которое предусматривало максимальный срок наказания до одного года лишения свободы за растрату, отчуждение или сокрытие имущества, подвергнутого описи или аресту, совершенное лицом, которому это имущество было вверено (ч. 1 ст. 185 УК РСФСР), ужесточил наказание до двух лет лишения свободы (ч. 1 ст. 312 УК РФ), а за сокрытие и присвоение имущества, подлежащего конфискации — с одного года исправительных работ до трех лет лишения свободы.

Примечательно, что ч. 7. ст. 115 УПК РФ, подробно регламентирующая порядок наложения ареста на принадлежащие подозреваемому, обвиняемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и кредитных организациях, не уточняет правила распространения положений нормы при хранении подозреваемым и обвиняемым своих ценно-

¹ См.: *Шадрин В. С.* Указ. соч. С. 180.

стей, денег за пределами России в иностранных банковских и иных учреждениях. Об этом умалчивает и ч. 1 ст. 116 УПК. Очевидно, в данном случае следует руководствоваться правилами раздела XVIII УПК России «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», в содержании которого, к сожалению, ничего конкретного в интересующем нас аспекте не предусмотрено, кроме ст. 453 УПК, наделяющей суд, прокурора, следователя правом направления запроса о правовой помощи при необходимости производства на территории иностранного государства ...иных процессуальных действий об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

ГЛАВА 3 || ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

§ 1. Обеспечение прав подозреваемого при задержании

Задержание подозреваемого — это мера принуждения, непосредственно затрагивающая конституционные права и свободы человека, а именно: право на *свободу и личную неприкосновенность*, закрепленное в статье 22 Конституции России, часть вторая которой предусматривает положение о том, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. И в этой части, как отмечалось ранее, уголовно-процессуальное законодательство России привело в соответствие с требованиями Основного закона первоначальный срок задержания; причем речь идет о сроке с момента *фактического* задержания лица, т. е. с момента производимого в порядке, установленном УПК, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК).

Вопросам задержания подозреваемого посвящена глава 12 Уголовно-процессуального кодекса. Ею регламентируются основания и процессуальный порядок задержания, личный обыск подозреваемого, основания и порядок освобождения задержанного, порядок уведомления о задержании родственников, порядок содержания подозреваемых под стражей (ст. 91-96 УПК). Между тем остается ряд вопросов, затрагивающих проблемы обеспечения прав подозреваемого, требующие своего разрешения.

Статья 91 УПК регламентирует основания и условия уголовно-процессуального задержания, согласно которой задержание лица по подозрению в совершении преступления может быть произведено органом дознания, следователем или прокурором без санкции суда по делам о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- 1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

При наличии *иных данных*, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Закон указывает, что орган дознания, дознаватель, следователь или прокурор *вправе* задержать лицо по подозрению в совершении преступления, т. е. применение данной серьезной меры принуждения, существенно затрагивающей право человека на свободу и личную неприкосновенность, законом отведено на личное усмотрение названных выше должностных лиц.

Неоднозначную реакцию ученых и отдельных адвокатов вызвало введенное уголовно-процессуальным законодательством России основание задержания, указанное в ч. 2 ст. 91 УПК: *«При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если прокурором, следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу...»*. Данное основание названо ими «резиновым», позволяющим по факту совершения неочевидного преступления задержать любого¹. По мнению процессуалистов, для сотрудников оперативных аппаратов и служб это является дополнительной возможностью для получения от задержанных признательных показаний, тем более ч. 2 ст. 95 УПК в случае необходимости проведения оперативно-разыскных мероприятий с разрешения лица, в производстве которого находится дело, допускает встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с задержанным. К тому же защитник подозреваемого, в силу конфиденциального (оперативно-разыскного) характера подобных встреч при этом не присутствует². В соответствии с п. 3 ч. 6 ст. 108 УПК судья вправе продлить срок задержания еще на 72 часа. Общий срок задержания по

¹ См.: Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. № 10. 2002. С. 46.

² См.: Ковтун Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. № 10. 2002. С. 46.

УПК России, таким образом, может составлять 120 часов, что является грубым нарушением Конституции РФ (ч. 2 ст. 48).

На наш взгляд, неопределенными являются и указанные в ч. 2 ст. 91 УПК «*иные данные*», дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, если ... *не установлена его личность*».

Практическим работникам правоохранительных органов, ведущим расследование по уголовным делам, известно, что если у лица, подозреваемого в совершении преступления, нет документов, удостоверяющих его личность, судья не даст санкцию на заключение его под стражу, так как невозможно арестовать лицо, личность которого не установлена. Представляется весьма сомнительным, что за 40 часов до обращения за санкцией в суд правоохранительные органы во всех случаях смогут установить личность задержанного. Налицо перспектива освобождения задержанного лица из ИВС. По нашему мнению, следует исключить данное основание задержания из ч. 2 ст. 91 УПК. Для установления личности субъекта имеются другие способы, предусмотренные, например, законодательством об административных правонарушениях или ведомственными актами (помещение в специальное учреждение для установления его личности).

Чтобы задержание было законным, кроме оснований и условий, необходимо наличие *мотивов* задержания.

Примечательно, что ч. 2 ст. 92 УПК предписывает указывать мотивы задержания в протоколе задержания лица. Однако УПК России, как и УПК РСФСР, не содержит мотивов задержания. На практике в качестве таковых указываются основания избрания меры пресечения, перечисленные в пп. 1-3 ч. 1 ст. 97 УПК. Для устранения данного пробела в ст. 91 УПК четко должны быть указаны мотивы задержания либо должна быть ссылка на ст. 97 УПК.

Уголовно-процессуальное задержание оформляется протоколом, который должен быть составлен после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более трех часов (ч. 1 ст. 92 УПК).

По мнению некоторых процессуалистов, момент составления протокола о задержании, определенный в ч. 1 ст. 92 УПК, не только существенно ограничивает право подозреваемого на защиту с помощью адвоката, но и делает ее во многих случаях невозможной, так как моменты задержания и доставления в органы могут существенно разниться и срок доставления в органы может превышать те

24 часа, которые отведены для допроса подозреваемого с участием адвоката¹.

Очевидно, сторонники этой позиции не учитывают требования п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК, предписывающие участие защитника в уголовном деле с момента *фактического* задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных ст. 91 и 92 УПК, и применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК меры пресечения в виде заключения под стражу.

Остается открытым единственный вопрос: как реально обеспечить участие защитника в момент *фактического* задержания, особенно в случаях, когда задержание осуществляется внезапно, в силу необходимости, с учетом сложившихся обстоятельств, в населенных пунктах, существенно отдаленных от местонахождения юридических контор, в ночное время.

Традиционно следователи составляют протокол задержания сразу после доставления задержанного в правоохранительные органы, не дожидаясь истечения какого-либо срока (тех же трех часов). Тем более, с учетом положений нового УПК, это уже не имеет для следователя существенного значения, так как срок задержания начинает истекать не с момента официального, а *фактического* задержания. Поэтому ему нет смысла умышленно затягивать время процессуального оформления задержания, к тому же права подозреваемого также разъясняются с момента *фактического* его задержания.

§ 2. Соблюдение прав и законных интересов обвиняемого при избрании мер пресечения

Согласно ст. 97 УПК дознаватель, следователь, прокурор и суд вправе в отношении обвиняемого применить одну из следующих мер пресечения: 1) подписку о невыезде; 2) личное поручительство; 3) домашний арест; 4) заключение под стражу; 5) залог; 6) наблюдение воинской части; 7) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым.

Любая мера пресечения, хотя и не является наказанием, ограничивает личную свободу и неприкосновенность обвиняемого. Поэтому в отношении обвиняемого допускается применение меры пресечения только при наличии предусмотренных в ст. 97 УПК достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дозна-

¹ См.: Попов С., Цепляева Г. Указ. соч. С. 32.

ния, предварительного следствия или суда; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу; может продолжать заниматься преступной деятельностью.

Вместе с тем для избрания мер пресечения должны быть и мотивы, т. е. основанное на фактических данных убеждение органов предварительного расследования (прокурора и суда) в том, что в интересах расследования и рассмотрения уголовного дела, а также для обеспечения исполнения приговора к обвиняемому следует применить меру процессуального принуждения. Путем применения меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и судья в силу особых, основанных на законе обстоятельствах вторгаются в сферу личных благ человека, ставят его в определенные рамки, выходят за пределы которых он не волен¹.

Применение мер пресечения связано с ограничением личной свободы человека, основной ценности общества, что обязывает органы предварительного расследования быть исключительно внимательными при решении вопроса о применении меры пресечения к обвиняемому. Бережное и внимательное отношение необходимо проявлять к обвиняемому, принимая решение об ограничении его личной свободы еще и потому, что оно затрагивает интересы не только обвиняемого, но и его близких, коллектива, в котором он трудится.

К выбору меры пресечения нельзя подходить шаблонно, без учета конкретных обстоятельств дела. Как общеобязательное требование решение этого вопроса в каждом конкретном случае должно соотноситься в соответствии со ст. 99 УПК с тяжестью предъявленного обвинения и лица, совершившего преступление. Чем тяжелее преступление и опаснее его субъект (неоднократная судимость, жестокость содеянного, дерзость, агрессивность и т. п.), тем строже может быть мера пресечения. В свою очередь, при оценке тяжести преступления и личности виновного должны учитываться данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, а также характер, мотивы и способы совершения деяния, его последствия, условия, при которых оно было совершено, отягчающие и смягчающие обстоятельства, устойчивость антиобщественных взглядов преступника, привычек, его поведение на работе и в быту, отношение к совер-

¹ См.: Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты по уголовным делам. Уфа, 1978. С. 39.

шенному преступлению и т. п. Иногда даже среди «одинаковых преступников», подпадающих под одну и ту же статью уголовного законодательства, обнаруживаются деяния, существенно различающиеся своей социальной природой, тяжестью вины, степенью опасности, ибо «любое конкретное преступление — это человеческая судьба, сложное переплетение социальных причин, случайных условий и индивидуальных особенностей личности правонарушителя»¹.

Меры пресечения по общему правилу избираются после привлечения лица в качестве обвиняемого, когда уже имеются достаточные доказательства, указывающие на то, что лицо совершило преступление. Применение мер, ограничивающих личную свободу, как правило, допускается только в отношении обвиняемого. Однако привлечение гражданина в качестве обвиняемого само по себе еще не является основанием для применения меры пресечения и ограничения личной свободы. Основания привлечения лица в качестве обвиняемого и основания избрания меры пресечения тесно связаны между собой, но не совпадают. И факта привлечения в качестве обвиняемого еще не достаточно для того, чтобы применить к нему меру пресечения и тем самым ограничить личную свободу обвиняемого. Она может быть ограничена лишь тогда, когда необходимо исключить отрицательное влияние обвиняемого на исследование обстоятельств дела.

Одной из самых распространенных мер пресечения остается *заключение под стражу*. Заключение под стражу — самая строгая мера пресечения, связанная с лишением человека свободы, необходимостью подчиняться суровым требованиям режима в местах заключения и определенным правоограничениям².

Данная мера пресечения связана с существенным ограничением конституционного права на неприкосновенность личности, поэтому основания и порядок ее применения подробно регламентированы уголовно-процессуальным законом. Применение ареста допустимо лишь в случаях действительной необходимости, когда никакая иная мера пресечения не может достигнуть поставленной законом цели — обеспечения надлежащего поведения обвиняемого в формах, предусмотренных ст. 98 УПК. Этим объясняется наличие дополнительных специальных оснований для применения заключения под стражу. Заключение под стражу допускается лишь по

¹ Злобин Г. Не только кара // Известия. 1969. 1 апр.

² См.: Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 169.

делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет.

В исключительных случаях названная мера пресечения может избираться к обвиняемым в преступлениях, наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы, при наличии одного из обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Применение заключения под стражу к несовершеннолетним лицам возможно лишь при обвинении их в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В некоторых случаях возможно применение заключения под стражу к несовершеннолетним, обвиняемым в совершении преступлений средней тяжести. Несмотря на то что закон в данном случае не дает подробных разъяснений, представляется, что исключительность ситуации должна быть обусловлена наличием одного из обстоятельств, указанных в п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК.

На взгляд И. Л. Петрухина, если обвиняемый может быть заключен под стражу лишь после предъявления обвинения и допроса лица в качестве обвиняемого, значит фактические основания ареста, как правило, шире чем основания привлечения в качестве обвиняемого, так как к ним добавляются показания обвиняемого. Получив и проверив эти показания, следователь может отказаться от намерения взять обвиняемого под стражу¹.

Ученые высказали мнение о том, что заключение под стражу является самой эффективной мерой пресечения, что в отличие от других мер пресечения она наилучшим образом обеспечивает достижение превентивных целей². Сто лет назад немецкий юрист Зон-

¹ См.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 171.

² См.: *Еникеев З. Д.* К вопросу о системе и видах мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе // Вопросы эффективности борьбы с преступностью и совершенствование законодательства. Уфа, 1975. С. 71; *Он же.* Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1972. С. 29-30; *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (Вопросы теории и практики). Казань, 1981. С. 40.

таг по этому поводу писал: «Есть только одно средство пресечения побега, и это средство — арест»¹.

Изоляция человека от общества действительно почти полностью исключает возможность его побега, совершения им нового преступления и воспрепятствования установлению истины по уголовному делу. Однако далеко не безразлично, какой ценой достигаются эти цели. А цена довольно высока — лишение человека свободы, влекущее ряд других существенных правоограничений².

В юридической литературе справедливо указано на негативные стороны ареста. Они заключаются в следующем: лицо отрывается от общественно-полезного труда по своей специальности, а это дезорганизует в какой-то мере работу учреждения, предприятия, организации, где оно служит; лицо оказывается оторванным и от семьи, что отрицательно сказывается на воспитании детей; арест компрометирует человека в глазах соседей, сослуживцев, поскольку в народе распространено мнение, что «невиновного не сажают», содержание под стражей озлобляет человека (особенно невиновного), настраивает против правоохранительных органов, подавляет его волю, склоняет к оговору, самоговору; некоторые арестованные поддаются под дурное влияние рецидивистов и других опасных преступников, теряют нравственные идеалы; арест приносит вред здоровью человека (особенно страдает психика), причиняет ему и его семье материальный ущерб³, а арестованный лишается полноценного права на защиту, выбора защитника, не имеет возможности должным образом подготовиться к защите⁴.

В связи с изложенным И. Л. Петрухин предлагал пути сокращения распространенности заключения под стражу, в числе которых сокращение числа преступлений, при совершении которых допускается заключение под стражу по мотивам одной лишь опасности деяния; допущение возможности заключения под стражу обвиняемого лишь при условии, что инкриминированное ему деяние наказывается лишением свободы на срок более двух лет; полный отказ от арестов до привлечения лица в качестве обвиняемого и допроса; недопущение арестов несовершеннолетних в возрасте 14-16 лет или

¹ Цит. по: *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 15.

² См.: *Петрухин И. Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1987. С. 88.

³ См.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1985. С. 171.

⁴ См.: *Руднев В.* Защита прав арестованного (задержанного) // *Законность.* 1993. № 9. С. 38-39.

несовершеннолетних обвиняемых в преступлениях, наказуемых лишением свободы на срок менее трех лет....¹ Большинство из предложений ученого приняты и внесены в УПК России.

Мы склоняемся к мнению И. Л. Петрухина, так как считаем, что нельзя ни в коем случае «уравнивать» всех обвиняемых и без разбора отправлять их за решетку. Это уже было в истории нашего государства и уголовного процесса. Обвинительная власть не должна компенсировать свою пассивность в этом вопросе за счет репрессий по отношению к обвиняемым и произвола. «Всякое лишение человека свободы до и без приговора суда — есть отступление от демократического принципа презумпции невиновности, признанного во всем цивилизованном мире и закрепленного в ст. 49 Конституции РФ», — справедливо отмечает В. М. Савицкий².

Российская Федерация является участником ряда международных конвенций и соглашений о правах человека. Необходимость их реализации заставила по-новому взглянуть на наши законы и в сфере уголовного судопроизводства, приблизить порядок и условия его функционирования к международным стандартам. Во Всеобщей декларации прав человека провозглашается право каждого человека на личную неприкосновенность (ст. 3), при этом установлено, что «никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию» (ст. 9). Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. содержит следующее положение: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не может быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

По-прежнему актуальна проблема недопустимости *произвольных арестов*. Произвол в данном случае означает субъективное усмотрение, не опирающееся на факты, ущемление прав человека путем злоупотребления властью, нарушение неприкосновенности личности... Установленные законом цели заключения под стражу (ст. 97 УПК) являются исчерпывающими и не подлежат распространительному толкованию, в частности, не допускается арест с целью получения признания³. Именно по этому поводу П. И. Люблинский писал: «Стремление к получению признания от обвиняемо-

¹ См.: Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 172.

² См.: Савицкий В. М. Последние новеллы УПК: порядок и сроки содержания под стражей // Рос. юстиция. 1997. № 5. С. 17-19.

³ См.: Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1985. С. 173-174.

го (подозреваемого) побуждает органы расследования искать средства, стимулирующие дачу показаний. В качестве одного из таких средств, в частности, может использоваться заключение обвиняемого под стражу»¹.

С допуском защитника к участию в уголовном деле с моментов, указанных в п. 1-5 ч. 3 ст. 49 УПК России, появилась существенная гарантия от неправомерного воздействия на подозреваемых, обвиняемых в целях получения признания в совершении преступления. Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы право иметь защитника было своевременно и доходчиво разъяснено подозреваемому или обвиняемому. А если они изъявили желание воспользоваться указанным правом, то имели бы полную возможность его беспрепятственной реализации, что на практике получается не всегда. Важно также, «чтобы участие защитника на допросе, в случае согласия их подзащитных дать показания, осуществлялось активно и служило использованию показаний прежде всего в качестве защиты»².

Зарубежные исследователи рассматривают правовое положение задержанных и арестованных лиц в аспекте соблюдения прав человека. Согласно положениям международно-правовых документов злоупотребление властей арестом и заключением под стражу является, возможно, самым распространенным нарушением прав человека в мире. Американские ученые и практические работники подчеркивают, что заключение под стражу не может быть общим правилом для ожидающих судебного процесса и должно быть исключением, как в других странах, где задержанный или арестованный должны немедленно предстать перед судом, который решает, оставаться ли такому лицу на свободе³.

Более 200 лет назад итальянский юрист Чезаре Беккария писал: «Чем скорее следует наказание за преступление, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее»⁴.

Как уже отмечалось, согласно п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или

¹ Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 23.

² Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 87-88.

³ См.: Руднев В. Защита прав арестованного (задержанного) // Законность. 1993. № 17. С. 36.

⁴ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 286.

на освобождение. Аналогичное правило предусмотрено п. 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

УПК России ввел в действие дополнительные гарантии прав обвиняемого, в том числе такую существенную гарантию права обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность, как допуск заключения под стражу и содержание под стражей только по судебному решению (ст. 108 УПК), что соответствует также ст. 22 раздела 1, ст. 6 раздела 2 Конституции. Данная новелла соответствует международным стандартам обеспечения прав человека.

Об избрании меры пресечения заключения под стражу на предварительном следствии выносится постановление, которое, как известно, согласуется вначале с прокурором, а затем санкционируется судом. Данное постановление должно быть законным и обоснованным, в нем должны излагаться основания и мотивы ограничения личной свободы обвиняемого.

Ограничение личной свободы и неприкосновенности обвиняемого может осуществляться лишь на протяжении сроков, установленных законом. Порядок продления сроков содержания под стражей регламентируется ст. 109 УПК. *Предельный срок* содержания под стражей в качестве меры пресечения всегда был и остается одной из самых острых и дискуссионных проблем уголовно-процессуального регулирования. С одной стороны, — отмечает В. Савицкий, — он должен позволять органам расследования без искусственных помех искать, находить и изобличать виновных. С другой — этот срок должен разумно соизмеряться с тяжестью предусмотренных уголовным законом наказаний вообще и санкций данной статьи УК — особенно. В советские времена максимальный срок содержания под стражей равнялся 9-ти месяцам. Но Президиум Верховного Совета СССР по ходатайству Генерального Прокурора СССР мог продлевать срок содержания под стражей, хотя это законом предусмотрено не было. В 1989 г. установили максимальный срок содержания под стражей 18 месяцев. Его устанавливал Генеральный Прокурор СССР после предварительного рассмотрения вопроса на коллегии Прокуратуры СССР (ч. 2 ст. 97 УПК). Тогда же эта статья была дополнена частью 5, предусматривающей, что время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. Демократизация и гуманизация общества привела к прямо противоположному результату. 13 июня 1996 г. в связи с жалобой В. В. Шелухина на нарушение его прав и свобод

правилом ч. 5 ст. 97 УПК, Конституционный суд признал эту норму не соответствующей действительности¹. 31 декабря 1996 г. Президент подписал закон «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР», в котором в ст. 97 УПК были приведены в соответствие с действующим Федеральным законом «О прокуратуре РФ» наименования должностей прокуроров, уполномоченных продлевать сроки содержания под стражей. Заместитель Генерального прокурора РФ был вправе продлевать срок на полгода — с 6 до 12 месяцев, а Генеральный прокурор — еще на полгода (и без обсуждения на коллегии Генеральной прокуратуры). А также срок содержания обвиняемого под стражей мог быть продлен судьей суда субъекта Федерации сверх 1,5 лет еще до 6 месяцев, если, по мнению соответствующего прокурора, ознакомление обвиняемого и его защитника с делом невозможно до истечения предельного срока. Таким образом, срок следствия мог быть увеличен до двух лет. Кроме того, в случае необходимости удовлетворения ходатайства обвиняемого или его защитника о дополнении предварительного следствия в том же порядке, что и продление срока на ознакомление с материалами дела. В итоге юрисдикция судьи продлевать срок содержания обвиняемого под стражей присоединена к соответствующим полномочиям прокурора, обеспечивала их «подопечному» два с половиной года предварительного заключения. Получилось так, что прежний огромный предельный срок содержания под стражей, выход за который квалифицировался как нарушение конституционных прав человека, не признанного виновным по приговору суда, даже не представшего перед судом, возможно и невиновного, официально превращался не в предельный, а в промежуточный, который мог быть удлинен еще на целый год, по решению суда².

Естественно на это остро отреагировали ученые. Так, А. Ларин отмечал, что положение закона от 31 декабря 1996 г. на практике может быть понято как возможность содержания под стражей в течение тридцати месяцев возможно невиновного человека в переполненных камерах следственных изоляторов, которые стали очагами туберкулезных и иных эпидемий, где нет места не только прилечь, но и присесть, при нехватке еды и лекарств. Даже непродолжительное

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гр. В. В. Шелухина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 8.

² См.: *Савицкий В. М.* Указ. соч. С. 17-19.

пребывание в этих условиях равносильно пытке. Этот закон расходится с рядом положений Конституции РФ, а именно:

— о человеке, его правах и свободах как высшей ценности и обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2);

— о праве каждого на жизнь и охрану здоровья (ч. 1 ст. 20; ч. 1 ст. 41);

— о запрете пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения (ч. 2 ст. 21);

— о недопустимости заключения под стражу и содержания под стражей без судебного решения (ч. 2 ст. 22);

— о праве обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника (ст. 40);

— об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равенства сторон (ч. 3 ст. 123);

— об отказе России от издания законов, отменяющих или умаляющих свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55);

— о приведении в соответствие с этими конституционными положениями уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 ст. 115 и п. 6 ч. 2 Заключительных и переходных положений)¹.

Согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки». Разумеется, это касается в первую очередь лиц, лишенных свободы в досудебных стадиях уголовного процесса². Кроме того, содержание под стражей обременительно и для государства³.

Поэтому УПК России изменил изложенную выше ситуацию со сроками содержания под стражей.

По общему правилу согласно УПК России срок содержания под стражей в ходе расследования преступлений не может продолжаться более двух месяцев. Однако в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения указанный срок может быть продлен судьей районного или приравненного к нему суда на срок до 6-ти месяцев.

Дальнейшее продление может быть осуществлено на срок до 12-ти месяцев. Оно реализовывается судьей того же суда, но допускается только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяж-

¹ См.: *Ларин А.* Новый порядок продления сроков содержания под стражей может привести к нарушению прав человека. М., 1991. С. 27-28.

² См.: *Савицкий В. М.* Указ. соч. С. 19.

³ См.: *Руднев В.* Указ. соч. С. 36.

ких и особо тяжких преступлений, ввиду особой сложности уголовного дела и с согласия прокурора субъекта Российской Федерации. Продление срока свыше 12-ти месяцев допускается в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Такое продление осуществляется судьей суда субъекта Российской Федерации по ходатайству следователя, внесенному с согласия Генерального прокурора РФ или его заместителя, на срок до 18-ти месяцев. Дальнейшее продление срока не допускается, содержащийся под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Если срок содержания под стражей продлевался, материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены для ознакомления обвиняемому и его защитнику не позднее чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей (ч. 5 ст. 109 УПК). Если данное указание закона было нарушено, обвиняемый подлежит безусловному немедленному освобождению по истечении установленного судом предельного срока содержания под стражей, а лицо, осуществляющее расследование, лишается возможности ходатайствовать об установлении дополнительного срока содержания под стражей для ознакомления обвиняемого с материалами дела.

Если указание, содержащееся в ч. 5 ст. 109 УПК, было соблюдено, а обвиняемый и его защитник не закончили процесс ознакомления с материалами уголовного дела до истечения установленного предельного срока содержания под стражей, следователь с согласия прокурора субъекта РФ вправе ходатайствовать перед судом субъекта Российской Федерации о продлении этого срока до окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Указанное ходатайство должно быть заявлено не позднее чем за пять суток до истечения предельного срока и подлежит рассмотрению судом в течение пяти суток. По результатам рассмотрения судья может принять решение либо о продлении срока содержания под стражей, либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и освобождении обвиняемого из-под стражи.

Если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30-ти суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается в отношении всех обвиняемых, в случае сохранения необходимости применения к каждому из них заключе-

ния под стражу и отсутствия оснований для избрания иной меры пресечения.

Срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента заключения обвиняемого, подозреваемого под стражу до направления прокурором уголовного дела в суд. Данную особенность необходимо учитывать при окончании расследования и составлении обвинительного заключения или обвинительного акта. В срок содержания под стражей засчитывается и время, в течение которого лицо было задержано в порядке ст. 91 УПК, а также по решению суда находилось под домашним арестом либо в медицинском или психиатрическом стационаре, или содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу Российской Федерации, направленному в соответствии со ст. 460 УПК.

Решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей может быть обжаловано в кассационном порядке. Обжалование не приостанавливает производство по уголовному делу.

Применение меры пресечения до предъявления обвинения ставит лицо в положение подозреваемого¹.

Как было замечено, согласно ст. 100 УПК в исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения. В этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу — в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется немедленно.

«Когда же в качестве меры пресечения избиралось содержание под стражей и обвинение предъявлялось на первоначальном этапе, ... оно часто не охватывало всех фактов, которые расследовались. Перепредъявление обвинения в полном объеме происходило перед самым окончанием предварительного следствия, что также нарушало право на защиту», — справедливо отмечал А. Леви².

Законодательное регулирование также нашел и вопрос о содержании под стражей лиц, дело которых ушло от следователя к

¹ См.: Куцова Э. Ф. Гарантия прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). С. 152.

² См.: Леви А. Защитник на предварительном следствии // Законность. 1992. № 9. С. 35.

прокурору, от прокурора в суд и лиц, числящихся за судом (ст. 255 УПК России).

Самой распространенной мерой пресечения является *подписка о невыезде и надлежащем поведении*.

При подписке о невыезде (ст. 102 УПК), имеющей своей целью обеспечение неуклонения подозреваемого или обвиняемого от следствия и суда, у последнего отбирается обязательство не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения соответствующего органа и тем самым ограничивается свобода его передвижения; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. В тексте статьи уже не содержится угроза замены подписки о невыезде более строгой мерой пресечения в случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) принятого обязательства, как это было предусмотрено ст. 93 УПК РСФСР.

И. Л. Петрухин отмечает, что нельзя сравнивать меры пресечения только по тому, в какой степени та или другая мера предотвращает нежелательное поведение обвиняемого.

Необходимо пользоваться более широким понятием оптимальности мер пресечения, которое включает не только степень достижения цели, но и действительную потребность в избрании именно данной (не более и не менее строгой) меры пресечения. Подписка о невыезде не обеспечивает стопроцентного достижения целей мер пресечения. Но из этого вовсе не следует, что подписка о невыезде — менее эффективная мера пресечения по сравнению с содержанием обвиняемого под стражей. Ведь подписка о невыезде гораздо менее, чем заключение под стражей, связана с ограничением такой важной социальной ценности, как право личности располагать собой. И в то же время она обеспечивает надлежащее поведение подавляющего большинства обвиняемых¹.

При избрании данной меры пресечения следователем выносятся два процессуальных документа: постановление об избрании меры пресечения и сама подписка. В постановлении должны быть указаны основания избрания меры пресечения.

На практике зачастую следователи в постановлении указывают, что подписка о невыезде избирается в качестве меры пресечения, так как обвиняемый имеет постоянное место жительства, место работы, положительно характеризуется и не скроется от следствия

¹ См.: Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. С. 87-88.

или суда, или же наоборот, указывают, что данная мера пресечения избирается потому, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда.

Если же сводить подписку о невыезде к требованию о невыезде, то ничего ошибочного в мотивировке следователя, что «обвиняемый скроется от следствия и суда» нет, — утверждает И. Л. Петрухин. Если же понимать под нею требование о надлежащем поведении, то эта формулировка ошибочна, так как нет надобности применять меру пресечения, если отсутствует опасение, что обвиняемый скроется от следствия и суда или помешает установлению истины¹.

Мы полагаем, что в ст. 97 УПК четко сформулированы основания избрания меры пресечения, а именно: наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Мотивом избрания меры пресечения является опасение со стороны следователя возможности совершения обвиняемым указанных действий. Поэтому согласно ст. 97 УПК в постановлении об избрании меры пресечения необходимо указывать именно эти основания, которые предполагают пресечение нежелательных поступков обвиняемого.

В юридической литературе высказано мнение о том, что подписка о невыезде неприемлема и малоэффективна в отношении несовершеннолетних обвиняемых, так как они не могут достаточно ясно представить себе смысл и значение налагаемого на них запрета²; нет также смысла применять эту меру пресечения к военнослужащим, которые по роду своей деятельности перемещаются на дальние расстояния³.

Некоторые юристы предлагают практику приобщения к системе контроля за обвиняемым участкового инспектора милиции, предлагают ввести регистрацию обвиняемого у следователя и установить

¹ См.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 226.

² См.: *Очередин В. Т.* Применение мер пресечения на предварительном следствии по делам несовершеннолетних и их эффективность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 14; *Акинча Н. А.* О применении мер пресечения к несовершеннолетнему обвиняемому // *Вопросы уголовного процесса.* Саратов, 1984. С. 116.

³ См.: *Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 226.

постоянный контроль за его поведением¹. Мы полностью присоединяемся к мнению о том, что участковый инспектор должен знать, что происходит на обслуживаемой им территории и всецело содействовать следователю в обеспечении избранной меры пресечения, так как следователь не в состоянии контролировать действия каждого обвиняемого, проходящего по делу. Что касается регистрации обвиняемого у следователя, то данная мера нам представляется излишней, так как у следователя нет для этого времени.

«Срок избрания меры пресечения подписка о невыезде не установлен законом», — справедливо указывает И. Л. Петрухин². Но закон также не установил четкого срока действия и других мер пресечения (кроме заключения под стражу и домашнего ареста).

Законодатель, видимо, предполагал, что срок мер пресечения непосредственно и тесно связан со сроком следствия и с продлением срока следствия продлевается и срок мер пресечения, что, конечно, нельзя считать правильным.

По нашему мнению, главу 13 «Меры пресечения» необходимо дополнить статьей 100-1, в которой необходимо указать время, на которое избираются меры пресечения: подписка о невыезде, залог, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, наблюдение командования воинской части и порядок их продления. Или как альтернативный вариант, в конце статей: 102 «Подписка о невыезде и надлежащем поведении», ст. 103 «Личное поручительство», ст. 104 «Наблюдение командования воинской части за военнослужащим», ст. 105 «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым», ст. 106 «Залог» — ввести части (пункты) с указанием срока и порядка продления каждой из указанных мер, так как все меры пресечения существенно затрагивают права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых.

Из семи видов мер пресечения, предусмотренных действующим законодательством, три связаны с участием общественности в решении вопроса о виде меры пресечения, применяемой к обвиняемому (ст. ст. 103, 105, 106 УПК).

Личное поручительство, применяемое в качестве меры пресечения, основано, с одной стороны, на доверии поручителей к подозреваемому и обвиняемому, а с другой — следователя, прокуро-

¹ См.: Советский уголовный процесс / Под. ред. Б. А. Викторова, В. Е. Чугунова. Часть общая М., 1973. С. 236-238; Зинатуллин З. З. Указ. соч. С. 71; Чувилев А. Заключение под стражу: законность и обоснованность // Сов. милиция. 1973. № 6. С. 44. и др.

² См.: Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 226.

ра и суда к поручителям. Избирая в отношении обвиняемого меры пресечения в виде личного поручительства, указанные должностные лица и органы убеждены также и в том, что ручающиеся за подозреваемого и обвиняемого имеют на него решающее влияние и достаточно для него авторитетны, ибо в противном случае они не ручались бы за его неуклонение от следствия и суда, а также за надлежащее поведение обвиняемого.

Личный поручитель осуществляет свои полномочия, как правило, методом убеждения, действиями нравственного характера. Вместе с тем данный вид меры пресечения не лишен и элементов принуждения. Хотя в них степень принуждения и менее выражена, но при их применении право личной свободы все же затрагивается. Тот факт, что об избрании мер пресечения выносится обязательное для подозреваемого и обвиняемого постановление, которое ему объявляется, и в силу этого он должен подчиниться принимаемым поручителем по уполномочию со стороны государства мерам воздействия, а при игнорировании их эта мера пресечения по смыслу ст. 103 УПК может быть изменена на более строгую (хотя об этом в ней не указано), свидетельствует о процессуально-принудительном характере указанных мер пресечения.

Общие черты всех видов поручительства (ст. 103, 105 УПК): личного поручительства, отдачи несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей или должностным лицом специализированных детских учреждений подробно охарактеризованы И. Л. Петрухиным. Прав автор, утверждая, что по этим видам поручительства: 1) поручители ручаются за надлежащее поведение, тогда как сам подозреваемый или обвиняемый ни за что не ручается и никаких обязательств не дает; 2) все виды поручительств не связаны с введением для подозреваемого или обвиняемого каких-либо правоограничений¹. В связи с этим целесообразно возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанности надлежащего поведения, которые должны быть внесены в ст. 97 УПК (под угрозой применения к нему более строгой меры пресечения), хотя пока такая угроза, как уже отмечалось, не предусмотрена УПК РФ.

Следователь при избрании меры пресечения, указанной в ст. 103 УПК, должен внимательно подходить к изучению личности поручителей: истребовать характеристики, сведения о судимости, справки с места их жительства и работы, чтобы обеспечить эффективность избираемой меры пресечения и добиться успешного решения за-

¹ См.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 226-227.

дач расследования по делу. Поручителям необходимо разъяснить ответственность, которую они берут на себя и которую понесут, если обвиняемый не выполнит взятые на себя обязательства. Указанная мера пресечения, на наш взгляд, меньше чем другие затрагивает личные права и законные интересы обвиняемого. Но на практике она применяется крайне редко, в основном из-за громоздкости процедуры ее избрания. Об этом справедливо отмечали многие авторы¹.

К малораспространенной мере пресечения относится залог (ст. 106 УПК), который в последние годы приобретает популярность.

Залог представляет собой внесение обвиняемым, подозреваемым либо другим физическим или юридическим лицом на депозитный счет органа, избирающего эту меру пресечения, денег, ценных бумаг или ценностей в целях обеспечения явки обвиняемого, подозреваемого по вызовам следователя, прокурора или суда и предупреждения совершения им новых преступлений (ст. 106 УПК).

Сущностью залога является принуждение обвиняемого, подозреваемого к прекращению преступной деятельности и своевременной явке в органы уголовного судопроизводства путем создания для него или его близких угрозы имущественных потерь, а также возможности применения более строгих мер пресечения.

Размер залога на практике, как правило, определяется прокурором, дающим санкцию на избрание данной меры пресечения, с учетом тяжести содеянного, личности обвиняемого, личности и материального, финансового положения залогодателя и вероятности ненадлежащего поведения обвиняемого, хотя в законе указано, что вид и размер залога определяется органом или лицом, избравшим данную меру пресечения, то есть следователем (ч. 1 ст. 106 УПК). Законодательство не содержит каких-либо ограничений для определения минимума и максимума залоговой суммы.

Предметом залога могут выступать деньги, ценные бумаги или ценности. К категории ценностей в настоящее время можно отнести: иностранную валюту, которая может приниматься в соответствии с установленным Центральным банком России курсом иностранных валют; изделия из драгоценных камней и металлов, предметы искусства и антиквариата; движимое имущество (дорогостоящий авто- и мототранспорт, товар, подлежащий реализации);

¹ См.: *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 58; *Зинатуллин З. З.* Указ. соч. С. 75; *Денежкин Б. А.* Гарантии неприкосновенности личности и избрание меры пресечения в отношении подозреваемого // Вопросы уголовного процесса. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Саратов, 1984. С. 24.

некоторые объекты недвижимого имущества, принадлежащие залогодателям на праве частной собственности — квартиры, дома, коттеджи, дачные участки, гаражи и др. К ценным бумагам относятся: государственные облигации, векселя, чеки, депозитные и сберегательные сертификаты, банковские сберегательные книжки на предъявителя, коносаменты, акции, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг (ст. 143 ГК). При принятии в залог ценностей и ценных бумаг должно быть установлено, что имущественные права на данную собственность принадлежат исключительно залогодателю, без каких-либо изъятий в гражданско-правовом или ином порядке.

Залогодателями, как уже отмечалось, наряду с обвиняемым и подозреваемым могут выступать иные физические и юридические лица. Законодатель не предъявляет каких-либо требований для ограничения круга этих лиц. Однако из их числа исключаются лица, полностью или частично недееспособные, а также организации с государственной формой собственности. При внесении залога залогодатель должен быть поставлен в известность о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения, о связанных с ней обязательствах и последствиях их невыполнения или нарушения.

Решение о применении залога оформляется мотивированным постановлением дознавателя или следователя и требует санкционирования прокурором. Особенности постановления являются определение в резолютивной части конкретной суммы залога и указание кратких анкетных данных залогодателя (фамилия, имя, отчество, место жительства, отношение к обвиняемому). После вынесения постановления залоговая сумма или иные ценности вносятся на депозитный счет через финансовые подразделения органа, ведущего судопроизводство. Об этом составляется бухгалтерский документ — приходный кассовый ордер или квитанция. Бухгалтерский документ приобщается к материалам уголовного дела с составлением протокола о принятии залога, в котором фиксируется факт передачи конкретной денежной суммы, ценных бумаг или иных ценностей, а также указывается, что залогодателю разъяснена сущность обвинения и он предупрежден, что в случае нарушения обвиняемым данных им обязательств внесенный залог обращается в доход государства. Протокол подписывается составившим его должностным лицом и залогодателем, которому вручается копия протокола.

Залог является самостоятельной мерой пресечения и может быть избран на любых этапах производства по делу. Однако наи-

большее распространение данная мера пресечения получила как альтернатива заключению под стражу и применяется в связи с освобождением обвиняемого из-под стражи, когда исключена возможность препятствования судопроизводству со стороны обвиняемого. В этом случае залог подлежит внесению на депозит суда по постановлению избравшего его органа, после чего обвиняемый, содержащийся под стражей или домашним арестом, должен быть освобожден (ч. 2 ст. 106 УПК).

Мера пресечения в виде залога применяется исключительно в целях обеспечения явки обвиняемого, подозреваемого в органы уголовного судопроизводства и предупреждения совершения им новых преступлений. При нарушении или невыполнении подозреваемым, обвиняемым данных им обязательств внесенный залог обращается в доход государства определением суда, вынесенным в порядке ст. 118 УПК. В остальных случаях залог возвращается залогодателю по окончании судопроизводства. Этот вопрос разрешается при вынесении приговора или прекращении уголовного дела и находит свое отражение в соответствующих итоговых документах, завершающих производство по делу¹.

Мы полагаем, что избрание данной меры пресечения на предварительном следствии должно осуществляться *не с санкции прокурора, а по судебному решению*, как в цивилизованных странах, с *вызовом и самого обвиняемого в суд*, который должен дать в суде обязательства о надлежащем поведении (по действующему УПК вызов обвиняемого при внесении залога не предусмотрен), чтобы обвиняемый смог прочувствовать *всю ответственность за свое поведение*. В этой связи предлагаем в ч. 2 ст. 106 УПК изменить первое предложение, изложим его следующим образом: «Залог применяется только по судебному решению. В судебное заседание должен быть доставлен обвиняемый, которому под роспись разъясняются его обязанности по надлежащему поведению в связи с избираемой мерой пресечения. Обвиняемый предупреждается, что в случае нарушения им обязательств по надлежащему поведению и явке в органы следствия или суд залог перечисляется в доход государства, а в отношении него может быть применена более строгая мера пресечения».

Некоторые процессуалисты утверждают, что залог как мера пресечения себя не оправдывает, практически не применяется и вообще «неприемлем с позиций достигнутых социальных и эконо-

¹ См.: Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. М., 2003. С. 158.

мических преобразований»¹. Считают, что из мер пресечения залог относится «к числу неэффективных» ибо залоговая сумма далеко не гарантирует от возможного ненадлежащего поведения обвиняемого². Называя законоположение о залоге «мертвой нормой», они предлагали вообще отказаться от имущественных мер пресечения, якобы не соответствующих условиям нашего общества³.

Мы полагаем, что необходимо шире практиковать применение залога в качестве меры пресечения, особенно при решении вопроса, относящегося к освобождению обвиняемого из-под стражи до суда, что позволило бы полноценнее защищать права и законные интересы обвиняемого.

В этой связи целесообразно было бы обратиться к опыту зарубежных стран. «Более отвечает обеспечению прав обвиняемого использование применяемого за рубежом института «Бейла», представляющего собой довольно разнообразные варианты залога и поручительства при отпуске на свободу до суда», — отмечает В. С. Шадрин⁴.

Заслуживающими внимания, на наш взгляд, представляются следующие виды залога и поручительства: «Финансовый бейл» предполагает освобождение от ареста, связанное с внесением денег в залог. «Бейл — порука» представляет собой общепринятую форму досудебного финансового освобождения. Это бывает в тех случаях, когда лицо не в состоянии внести полную сумму. Тогда поручитель соглашается выплатить всю сумму, если освобожденный не явится. Есть разновидность бейла, связанная с собственностью, когда лицо, вместо наличных денег, может поручиться своей недвижимостью или иным имуществом.

Освобожденный в зависимости от различных обстоятельств *обязан соблюдать следующие требования*: не выезжать из определенной местности, не посещать определенных мест, не встречаться с отдельными лицами, в том числе со свидетелями, периодически являться в органы следствия и суд, лечиться от определенных болезней и т. д. При этом немаловажное значение имеет *ряд обстоятельств*: имеет ли арестованный постоянное место жительства, сколько времени живет в данной местности, имеет ли постоянную работу, сколько времени работает на этом месте и другие⁵.

¹ Корнуков В. М. Указ. соч. С. 54

² См.: Зинатуллин З. З. Указ. соч. С. 41.

³ См.: Лившиц Ю. Д. Указ. соч. С. 72.

⁴ См.: Шадрин В. С. Указ. соч. С. 102.

⁵ См.: Руднев В. Защита прав арестованного (задержанного). С. 38-39.

По нашему мнению, указанные демократические меры пресечения с соответствующими изменениями могли бы успешно применяться и в российском уголовном процессе. Мы полагаем, что бурные социально-экономические преобразования, происходящие в нашей стране, будут способствовать более успешному применению залога, так как за залогом — как мерой пресечения — будущее.

Специальной мерой пресечения, применяемой только к военнослужащим срочной службы, или гражданам, проходящим военные сборы, является наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК)¹.

В УПК России восстановлена такая мера пресечения, как домашний арест².

Домашний арест представляет собой меру пресечения, по своей юридической природе сходную с заключением под стражу. Ее содержание состоит в ограничениях, связанных со свободой передвижения обвиняемого, подозреваемого, а также в запрете:

- общаться с определенными лицами;
- получать и отправлять корреспонденцию;
- вести переговоры с использованием любых средств связи.

Основания и процессуальный порядок применения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу совпадают. При избрании домашнего ареста учитываются возраст, семейное положение, состояние здоровья и другие обстоятельства.

Совокупность конкретных ограничений для обвиняемого, подозреваемого устанавливается судом индивидуально по каждому уголовному делу с учетом судебно-следственной ситуации. Кроме того, суд определяет, на какой орган или должностное возлагается обязанность по осуществлению надзора за соблюдением установленных ограничений. Свое решение суд оформляет постановлением или определением.

Представляется, что включение в УПК России указанной меры пресечения всего лишь своеобразная «дань моде», поскольку его реальное применение весьма проблематично. Это неоднократно отмечалось многими учеными и практическими работниками³. Затруднительно представить субъектов, в отношении которых до-

¹ Подробнее об этом см.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. С. 231-234; *Уголовный процесс / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой.* Волгоград, 2002. С. 77-78.

² Данная мера пресечения была предусмотрена УУС 1864 г.

³ См., например: *Тунова Л.* Домашний арест как мера пресечения // *Рос. юстиция.* № 11. 2002.

машный арест может быть избран, а также реализацию ограничений, указанных в ч. 1 ст. 107 УПК.

Применение меры пресечения и тем самым ограничение личной свободы обвиняемого являются правом, а не обязанностью следователя, прокурора и суда и может иметь место в тех случаях, когда необходимо обеспечить успешное и быстрое выполнение задач уголовного судопроизводства. Право этих органов применять меру пресечения к обвиняемому носит факультативный характер.

В интересах соблюдения требований закона о допустимости применения в отношении подозреваемого и обвиняемого меры пресечения лишь в случае необходимости, обусловленной интересами расследования и рассмотрения дела, законодатель установил процессуальные меры и средства, при помощи которых обвиняемый имеет реальную возможность защищать свою личную свободу и неприкосновенность. Эти процессуальные меры и средства являются составной частью системы гарантий прав обвиняемого в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальным правом неприкосновенность обвиняемого гарантируется: 1) установлением порядка применения меры пресечения; 2) допустимостью ареста только по постановлению суда; 3) установлением уголовной ответственности за заведомо незаконный арест; 4) правом приносить жалобы на акты, ограничивающие личную свободу; 5) обязанностью суда освободить обвиняемого, незаконно содержащегося под стражей; 6) надзором прокурора и контролем суда за законностью и обоснованностью применения меры пресечения к обвиняемому.

Эти процессуальные средства призваны служить тому, чтобы обеспечить правильное применение ограничения личной свободы граждан, привлеченных к уголовной ответственности, и устранение необоснованного применения мер государственного принуждения.

Следователь, прокурор и суд обязаны не допускать применения к подозреваемому и обвиняемому мер, противоречащих закону (например, применение без необходимости меры пресечения в виде заключения под стражу и т. п.). На эти органы и должностные лица закон возлагает обязанность обеспечить соблюдение прав и законных интересов обвиняемого.

К этим обязанностям, по мнению Э. Ф. Куцовой, относятся: а) принятие решения об избрании меры пресечения письменно; б) объявление и разъяснение принятого решения подозреваемому, обвиняемому и т. д.; в) в случаях, установленных законом, объяснение

подозреваемому, обвиняемому соответствующих прав либо обязанностей¹.

Исходя из изложенного, следует: учитывая, что любая мера пресечения ограничивает неприкосновенность и личную свободу лица, в отношении которого она избирается, следователь (прокурор, суд) несет в уголовном процессе и, в частности, на этапе предъявления обвинения, такие обязанности, непосредственно связанные соответственно с актом привлечения в качестве обвиняемого, применения меры пресечения, которые служат гарантиями законности и обоснованности данных решений, гарантиями прав и законных интересов обвиняемого.

¹ См.: Куцова Э. Ф. Указ. соч. С. 152-153.

ГЛАВА 4 || ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ. РЕАБИЛИТАЦИЯ

§ 1. Обеспечение безопасности потерпевшего и свидетелей

В контексте происходящих в России в последнее десятилетие стремительных преобразований в области экономики, политики, социальной сферы и при этом общей нестабильности в стране, сопровождающейся постоянным ростом правонарушений и тяжких преступлений, появлением устойчивых технически оснащенных организованных преступных групп, возникает острая необходимость в решении вопросов реального обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, их близких родственников, родственников и близких лиц.

По данным социологических исследований, 59,5% свидетелей и потерпевших отказываются быть участниками предъявления для опознания по причине страха как за свою жизнь, так и за жизнь членов их семей¹.

Прав В. А. Булатов, отмечая, что российское государство, провозгласившее права и свободы человека высшей ценностью, взявшее на себя и гарантировавшее обязательства по их защите, вовлекая своих граждан и других лиц в уголовное судопроизводство (иногда помимо их воли), должно обеспечивать их безопасность, т. е. судебную защиту от противоправных посягательств².

Вопрос о защите свидетелей и потерпевших можно рассматривать с уголовно-правовой и уголовно-процессуальной позиций. Ни одна из указанных позиций в современных условиях не отвечает должным образом требованиям обеспечения безопасности перечисленных участников уголовного судопроизводства.

В. Тихоненко указывает, что в числе наиболее распространенных форм противодействия расследованию 62% следователей на-

¹ См.: Шевчук И. В. Уголовно-процессуальные, психологические и тактические аспекты предъявления для опознания лиц на предварительном следствии: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 9.

² См.: Булатов В. А. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии: Сб. науч. тр. Волгоград, 2003. С. 104.

зывают подкуп, запугивание, насилие в отношении потерпевших, свидетелей и членов их семей¹.

Статьей 309 УК предусмотрена уголовная ответственность за подкуп, принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта — к даче ложного заключения, переводчика — к осуществлению неправильного перевода. Однако санкция данной статьи, по сравнению с законодательством зарубежных государств, недостаточно сурова. В юридической литературе приводятся сведения о том, что за применение угрозы или физической силы в отношении свидетеля, а также за попытку совершить такие действия в США предусмотрены штрафные санкции в размере до 250 000 долларов или тюремное заключение на срок до 10-ти лет, или оба вида наказания².

Для сравнения отметим, что максимальный срок наказания за указанные деяния по российскому законодательству от трех до семи лет лишения свободы (и только при наличии квалифицирующих признаков).

Известно, что уголовным законом также предусмотрена уголовная ответственность за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК) и за заведомо ложные показания (свидетеля, потерпевшего), заключение эксперта или неправильный перевод (ст. 307 УК). Однако почти 90% потерпевших и свидетелей подтвердили, что в случае реальной угрозы жизни, здоровью и имуществу, в частности, при оказании на них или их близких противоправного воздействия, откажутся от дачи показаний либо дадут ложные показания, несмотря на угрозу привлечения за это к уголовной ответственности³.

В этой связи в юридической литературе отмечается, что отсутствие реальных возможностей защитить законопослушных граждан не дает государству морального права привлекать их к уголовной ответственности⁴.

Практика показывает, что одними мерами ужесточения уголовного права за указанные деяния проблемы обеспечения безопасности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, не решить.

Попытки решить указанную проблему предпринимались неоднократно и в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, 12 ию-

¹ См.: *Тихоненко В.* Вступительное слово // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 4.

² См.: *Щерба С., Зайцев О.* Защита свидетелей в США // Рос. юстиция. 1994. № 8.

³ См.: *Булатов В. А.* Указ. соч. С. 104-105.

⁴ См.: Там же. С. 105.

ня 1990 г. в Основы уголовного судопроизводства ССР и союзных республик была введена ст. 27-1 следующего содержания: «При наличии достаточных данных, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, либо иными противоправными действиями, орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять предусмотренные законодательством ... меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц, а также установлению виновных и привлечению их к ответственности»¹. Однако данная норма не предусматривала конкретных мер безопасности. В случае возникновения подобной ситуации предписывалось обращаться в правоохранительные органы на общих основаниях с заявлением об этом, которое рассматривалось в обычном порядке.

В 1994 г. началась разработка проекта Закона РФ «О защите свидетелей, потерпевших и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». В 1997 г. Государственная Дума РФ в третьем чтении приняла данный законопроект, а Совет Федерации его утвердил. Однако Президент Российской Федерации воспользовался своим правом вето и закон был отклонен.

В пояснительной записке к законопроекту было указано, что он «разработан в связи с тем, что за последние годы участники организованных преступных группировок и другие преступники оказывают сильное давление на потерпевших и свидетелей и других участников уголовного процесса. Они запугивают их и заставляют отказываться от дачи показаний.

В результате поставлена под угрозу вся система правосудия в стране, подрывается принцип неотвратимости наказания, а тем самым лишаются опоры усилия государства, направленные на борьбу с преступностью».

Впервые в указанном законе были разработаны четкие меры безопасности в отношении защищаемых субъектов, такие как:

- неразглашение сведений о личности защищаемого лица;
- закрытое судебное разбирательство;
- личная охрана, охрана жилища и имущества;
- прослушивание телефонных переговоров;
- выдача средств связи, оружия и специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

¹ О внесении изменений и дополнений в основы уголовного судопроизводства ССР и союзных республик: Закон СССР от 12 июня 1990 г.

- замена документов на новое имя и изменение внешности;
- переселение на другое место жительства;
- изменение места работы или учебы;
- временное помещение в место, обеспечивающее безопасность;
- ведение видео- и звукозаписи показаний.

По своему содержанию проект этого закона схож с законом РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 1995 г.¹ и мог бы реально обеспечить безопасность и социальную защиту свидетелей, потерпевших и иных лиц, подлежащих защите. Однако ввиду того, что реализация проекта данного закона потребовала затрат денежных средств из бюджета страны в сумме 1,4 млрд. руб. в год он был отклонен, поскольку государство не имело таких средств².

Наряду с этим предпринимались и другие попытки защитить и обезопасить свидетеля и потерпевшего, их родственников и близких лиц от неправомерного воздействия на них со стороны заинтересованных в исходе дела лиц. Примерно в середине 90-х гг. прошлого века были приняты такие нормативные акты, как Закон РФ «О милиции»³, Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴, «Положение о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствовавших раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами»⁵, возлагающие на правоохранительные органы обязанность обеспечивать безопасность участников уголовного процесса. Так, в ст. 2 Закона РФ «О милиции» прямо указывается, что одной из задач милиции является обеспечение личной безопасности граждан. Статья 10 Закона предусматривает обязанности милиции в соответствии с поставленной перед ней задачей принимать предусмотренные законом меры по охране потерпевших, свидетелей и других

¹ См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Закон РФ от 1995 г. // Судебная и правоохранительная система: Сб. нормативных актов. М., 1998.

² См.: *Палеев М.* Почему президент России отклонил закон о защите потерпевших и свидетелей // Рос. юстиция. № 1. 1998. С. 55.

³ О милиции: Закон РСФСР. М., 2001.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон РФ от 05.07.1995 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33.

⁵ Положение о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствовавших раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами // Вопросы расследования преступлений. М., 1996.

участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности. Однако конкретные меры по охране свидетелей и потерпевших в данной норме не перечисляются, она носит декларативный характер. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит положение о том, что при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких, эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к уголовной ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации... в целях обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации. И снова в Законе не указываются конкретные мероприятия по защите лиц, содействующих уголовному судопроизводству.

Проверка действия мер безопасности на практике в нашем государстве была предпринята в 1996 г. Правительством Москвы. 28 августа 1996 г. распоряжением Премьера Правительства Москвы утверждено «Положение о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствующих раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами». В пункте 2 Положения в числе других граждан, подлежащих социальной защите и материальному вознаграждению, указываются свидетели преступления, потерпевшие от преступных посягательств, родственники и иные близкие. Пункт третий данного документа содержит следующие меры безопасности: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача в установленном законодательством порядке оружия, специальных средств индивидуальной защиты; временное помещение (от месяца до года) в безопасное место; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах в информационных системах; перевод на другую работу (службу), изменение места работы или учебы; предоставление другого места жительства; замена в установленном порядке документов, изменение внешности.

Для проведения этих мер безопасности в ГУВД Москвы было создано специальное подразделение.

Кроме мер безопасности, предусмотренных в Положении, в его ст. 6 предусмотрены и меры социальной защиты: материальная компенсация вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан, а также их потерь в случаях применения мер защиты (потери в зарплате, в стаже трудовой деятельности и т. п.); материальная помощь их наследникам в случае гибели.

В данном Положении содержится самая эффективная мера привлечения граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами — их материальное стимулирование. Пункт 7 документа предписывает: в целях материального стимулирования граждан, способствовавших раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами, им могут производиться разовые выплаты из расчета от 500 до 10 000 рублей. Финансирование этого положения осуществляется за счет специально выделенных для этих целей средств.

Таким образом, принятие «Положения о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствующих раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами» явилось определенной попыткой обезопасить свидетелей и потерпевших, а также иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству, от неправомерного воздействия на них со стороны лиц, заинтересованных в исходе дела. К сожалению, данный документ действует только в определенном регионе страны — в столице.

Уголовно-процессуальное законодательство России, введенное в действие с 1 июля 2002 г., несколько сдвинуло с «мертвой» точки решение вопроса об обеспечении безопасности вышеуказанных субъектов. Как уже отмечалось, в ч. 3 ст. 11 УПК впервые регламентируется положение об обеспечении защиты конкретных участников уголовного судопроизводства от определенных видов неправомерных действий в их отношении: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности».

Кроме того, в этих же целях законодатель предпринял и другие шаги для обеспечения безопасности участников предварительного следствия. В соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК следователь вправе не приводить данные о личности потерпевшего, его представителя и свидетеля. В этом случае с согласия прокурора следователь выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Однако УПК России не регламентирует порядок применения псевдонима, и это вызвало некоторые проблемы. В Болгарии, например, в таком качестве используются идентификационные номера, в Нидерландах — буквы алфавита. В отечественных словарях «псевдоним» определяется как «вымышленное имя»¹. По мнению Л. В. Брусницына, использование вымышленного имени опасно из-за возможного повторения настоящих персоналий другого гражданина. Употребление же идентификационных номеров может вызвать затруднение в их запоминании участниками судебного разбирательства. Поэтому автор предлагает использовать в качестве псевдонима в российском уголовном судопроизводстве буквы алфавита, например, свидетель А². Данная мера безопасности в настоящее время широко используется в практической деятельности органов предварительного расследования, так, например, *по одному из уголовных дел, возбужденному по факту вымогательства денежных средств у гражданина М., потерпевшим было заявлено ходатайство о применении к нему мер безопасности в связи тем, что он опасался физической расправы со стороны обвиняемого И. Следователь рассмотрел данное ходатайство и вынес постановление о засекречивании данных лица. В ходе допроса потерпевший М. использовал псевдоним «Пушкин Александр Сергеевич».*

Законодателю в ч. 9 ст. 166 УПК РФ необходимо четко определить, что использовать в качестве псевдонима: либо буквы алфавита, либо порядковые номера, либо фамилию, имя, отчество.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 628.

² См.: Брусницын Л. В. Как обеспечить безопасность тех, кто помогает бороться с преступностью // Законность. 2003. № 3. С. 121.

Наиболее приемлемым представляется использование порядковых чисел. На вопрос: «Как реализуется Вами на практике требование уголовно-процессуального законодательства по принятию мер к обеспечению безопасности участников уголовного процесса?» 44% следователей ответило, что основной мерой безопасности является участие свидетеля (потерпевшего) в уголовном деле под псевдонимом¹.

Часть 2 ст. 186 УПК предусматривает при наличии угрозы насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевших и свидетелей допустимость контроля и записи их телефонных и иных переговоров либо по их письменному заявлению, либо, при отсутствии такого заявления, на основании судебного решения. Но данная мера безопасности является дорогостоящей и поэтому ее применение проблематично.

Часть 8 ст. 193 УПК регламентирует предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В подразделениях ОВД не созданы условия для проведения указанного следственного действия, хотя такая необходимость возникает все чаще. Поэтому следователям приходится прилагать значительные усилия, чтобы провести данное следственное действие. Так, например, *по одному из уголовных дел возникла необходимость проведения предъявления для опознания лица в условиях, исключающих визуальное наблюдение; из-за отсутствия надлежащего помещения использовалась солнцезащитная пленка, которой были оклеены стеклянные двери в коридоре.* Опознающий и опознаваемый вместе со статистами находились по разные части от входной двери².

В целях расширения прав потерпевшего и свидетеля уголовно-процессуальное законодательство РФ предоставило им право ходатайствовать о применении мер безопасности (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Ходатайство должно быть заявлено в письменном виде.

Кроме того, в УПК следует устранить половинчатость уже предусмотренных мер. Так, по новому законодательству предусмотрена возможность участия защищаемого лица на предварительном следствии и судебном разбирательстве под псевдонимом. Но законодатель не предусмотрел при этом следующее обстоятельство: в стадии возбуждения уголовного дела согласно ч. 2 и 3 ст. 141

¹ Данные анкетирования следователей Центрального РОВД Волгограда за 2002 г.

² См.: Пример из архивных уголовных дел судов Волгоградской области за 2002 г.

УПК РФ письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное заносится в протокол, который также подписывается заявителем и содержит полные данные о нем и его документах, удостоверяющих личность.

Далее, в качестве основания для применения мер безопасности в ч. 3 ст. 11 УПК РФ указаны лишь угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными преступными деяниями. Ни молчаливое преследование потерпевших и свидетелей на улицах, ни их демонстративное фотографирование, сопровождаемое замечанием, что теперь их везде найдут, ни появление рядом с их домами автомашин с людьми, внешность которых (стрижка, одежда, поведение) ясно указывает на принадлежность к преступному миру, не может служить основанием для применения мер безопасности¹.

Указанные меры безопасности — не только один из способов осуществления государством своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, но и средство более эффективного осуществления самого уголовного судопроизводства. Следующим шагом должна стать ратификация Россией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Статья 24 Конвенции «Защита свидетелей» предписывает каждому государству-участнику принимать, в пределах своих возможностей, надлежащие меры, направленные на обеспечение эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении участвующих в уголовном производстве свидетелей (и потерпевших), которые дают показания в связи с преступлениями, охватываемыми Конвенцией, и в надлежащих случаях в отношении их родственников и других близких им лиц. Сегодня можно утверждать, что в российском законодательстве создан полноценный институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства². Уже высказались мнения «за» и «против» предусмотренных УПК мер безопасности. Но несомненно одно — эти нормы помогут более эффективному исполнению Российской Федерацией конституционной обязанности правового государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина³. Одна из задач, стоящих перед отечественным за-

¹ См.: Брусницын Л. В. Указ. соч. С. 122.

² 20 августа 2004 г. был принят Федеральный закон «О государственной защите свидетелей и иных лиц», который вводится в действие 1 января 2005 г.

³ См.: Антошина А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: становление правового института // Рос. юстиция. 2002. № 8. С. 35.

конодателем, — приведение российского УПК в соответствие с теми стандартами обеспечения безопасности участников уголовного процесса, которые выработаны европейским сообществом и выражены в решениях Европейского Суда.

§ 2. Обеспечение безопасности судей и должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование

Под обеспечением прав личности при расследовании преступлений в широком смысле подразумевается обеспечение прав всех участвующих в расследовании лиц, включая дознавателей, следователей, прокуроров. Содержание правового статуса государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также условий его реализации имеет свою специфику и представляет собой самостоятельную проблему¹.

В целях обеспечения безопасности названных должностных лиц, а также создания надлежащих условий для отправления правосудия Государственная Дума Российской Федерации 22 марта 1995 г. приняла Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в котором установила систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества указанных лиц.

В законе определяется, что данные меры могут применяться также в отношении их близких родственников, а в исключительных случаях — иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности судей, должностных лиц правоохранительных органов либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность (далее — близкие).

В Федеральном законе в числе иных должностных лиц, подлежащих государственной защите, названы:

- 1) судьи всех судов;
- 2) прокуроры;
- 3) следователи;
- 4) лица, производящие дознание (ст. 2).

В соответствии с настоящим Федеральным законом и другими законами Российской Федерации защищаемым лицам обеспечивается:

¹ См.: *Шадрин В. С.* Указ. соч. С. 3.

1) применение уполномоченными на то государственными органами (далее — органы, обеспечивающие безопасность) мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, а также обеспечение сохранности их имущества;

2) применение мер правовой защиты, предусматривающих, в том числе, повышенную уголовную ответственность за посягательство на их жизнь, здоровье и имущество;

3) осуществление мер социальной защиты, предусматривающих реализацию установленного настоящим Федеральным законом права на материальную компенсацию в случае их гибели (смерти), причинения им телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения их имущества в связи с их служебной деятельностью.

Для обеспечения защиты жизни и здоровья названных лиц и сохранности их имущества лицами, обеспечивающими безопасность, в законе предусмотрены конкретные меры безопасности:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

3) временное помещение в безопасное место;

4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;

5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;

6) переселение на другое место жительства;

7) замена документов, изменение внешности.

В целях реализации перечисленных мер безопасности могут проводиться оперативно-разыскные мероприятия в порядке, установленном Законом Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности».

При установлении данных, свидетельствующих о наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц, с их согласия органами, обеспечивающими безопасность, осуществляется их личная охрана, охрана их жилища и имущества.

При необходимости жилище и имущество защищаемых лиц могут быть оборудованы средствами противопожарной и охранной сигнализации, номера их телефонов и государственные регистрационные знаки используемых ими транспортных средств могут быть заменены.

С учетом степени угрозы для жизни и здоровья защищаемых лиц органы, обеспечивающие безопасность, могут выдавать указанным лицам оружие, в том числе служебное или боевое, специальные

средства индивидуальной защиты и оповещения об опасности. Порядок выдачи оружия защищаемым лицам, за исключением лиц, имеющих право на ношение и хранение оружия в соответствии со своим должностным положением, устанавливается Правительством Российской Федерации.

В случае необходимости применения оружия защищаемые лица должны соблюдать требования ст. 24 Закона Российской Федерации «Об оружии»¹.

При необходимости защищаемые лица, достигшие совершеннолетия, могут быть с их согласия, а несовершеннолетние — с согласия родителей или лиц, их заменяющих, помещены в места, в которых им будет обеспечена безопасность.

По решению органов надзора, обеспечивающих безопасность, предусмотрено наложение временного запрета на выдачу данных о личности защищаемых лиц, их месте жительства и иных сведений о них из адресных бюро, паспортных служб, подразделений Государственной автомобильной инспекции, справочных служб автоматической телефонной связи и других информационно-справочных фондов, за исключением случаев, когда такие сведения выясняются в установленном порядке в связи с производством по уголовному делу.

По заявлению или с согласия защищаемых лиц они могут быть переведены на другую, временную или постоянную, работу (службу), переселены на другое, временное или постоянное, место жительства.

Когда безопасность защищаемого лица нельзя обеспечить другими мерами, по его заявлению или с его согласия законом предусмотрена выдача документов, удостоверяющих личность, и иных документов, с измененными анкетными данными, а также изменение его внешности (ст. 5-11).

Применение и осуществление мер безопасности в отношении судей, прокуроров, следователей, а также их близких возлагается на органы внутренних дел.

Поводом для применения мер безопасности в отношении защищаемого лица являются:

- 1) заявление указанного лица;
- 2) обращение председателя суда либо руководителя соответствующего правоохранительного или контролирующего органа, либо руководителя федерального органа государственной охраны;

¹ Об оружии: Закон РФ от 13.12.1996 // Судебная и правоохранительная системы: Сб. нормативных актов. 2-е изд. М., 1998.

3) получение органом, обеспечивающим безопасность, оперативной и иной информации о наличии угрозы безопасности указанного лица.

Основанием для применения мер безопасности является наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемого лица (ст. 13).

Орган, обеспечивающий безопасность, получив заявление (обращение, информацию) о наличии угрозы безопасности защищаемого лица, обязан в срок не более трех суток принять решение о применении либо об отказе в применении в отношении указанного лица мер безопасности. В случаях, не терпящих отлагательства, меры безопасности применяются незамедлительно.

О принятом решении о применении мер безопасности органом, обеспечивающим безопасность, выносится мотивированное постановление с указанием конкретных мер безопасности и сроков их осуществления, о чем сообщается защищаемому лицу и председателю суда (руководителю соответствующего правоохранительного или контролирующего органа, руководителю федерального органа государственной охраны), обратившемуся с просьбой о применении мер безопасности в отношении указанного лица. При этом защищаемому лицу могут быть даны определенные предписания, соблюдение которых необходимо для его безопасности.

Отказ в применении мер безопасности может быть обжалован защищаемым лицом, а также председателем суда (руководителем соответствующего правоохранительного или контролирующего органа, руководителем федерального органа государственной охраны), обратившимся с просьбой о применении мер безопасности в отношении указанного лица, в вышестоящий по подчиненности орган, обеспечивающий безопасность, в прокуратуру либо в суд. Жалоба подлежит рассмотрению незамедлительно.

Защищаемое лицо, в отношении которого принято решение, наделено законом следующими правами:

1) знать о применяющихся в отношении его мерах безопасности;

2) просить о применении или неприменении в отношении его конкретных мер безопасности, перечисленных в части первой статьи 5 настоящего Федерального закона;

3) требовать от органа, обеспечивающего безопасность, применения в отношении его кроме осуществляемых иных мер безопасности, предусмотренных настоящим Федеральным законом, или отмены каких-либо из осуществляемых мер;

4) обжаловать в вышестоящий по подчиненности орган, обеспечивающий безопасность, в прокуратуру либо в суд незаконные ре-

шения и действия должностных лиц, осуществляющих меры безопасности.

Также защищаемое лицо наделено обязанностями:

1) выполнять законные требования органа, обеспечивающего безопасность;

2) незамедлительно информировать указанный орган о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении его;

3) бережно обращаться с имуществом, выданным ему указанным органом в личное пользование для обеспечения безопасности;

4) не разглашать сведения о принимаемых в отношении его мерах безопасности без разрешения органа, осуществляющего эти меры (ст. 17).

Кроме вышеизложенных закон предусматривает и меры социальной защиты (ст. 20).

Финансирование и материально-техническое обеспечение мер государственной защиты осуществляется за счет средств федерального и соответствующих других бюджетов на основе законодательства Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ, а также за счет средств внебюджетных целевых фондов в соответствии с положениями об этих фондах.

Расходы, связанные с применением мер безопасности, не могут быть возложены на защищаемое лицо.

Таким образом, указанный Федеральный закон призван реально обеспечивать безопасность судей и должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование.

§ 3. Реабилитация

На обеспечение прав и законных интересов участников предварительного следствия также направлен предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством России институт реабилитации.

Известно, что в практике деятельности органов расследования, прокуратуры и суда имеются факты, когда незаконно возбуждаются уголовные дела, лица привлекаются в качестве обвиняемого, избирается мера пресечения «заключение под стражу» без достаточных оснований; граждане незаконно осуждаются судом. Причины незаконных действий правоохранительных органов разные, и по каждому случаю проводится служебное расследование, виновные привлекаются к ответственности, а гражданин реабилитируется.

Правовой основой возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями правоохранительных органов, до введения нового Уголовно-процессуального кодекса РФ являлись: Конституция РФ (ст. 53); ст. 58-1 УПК РСФСР, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и положение от 18 мая 1981 г. «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда».

Как известно, ст. 58¹ УПК РСФСР называлась: «Обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями» и предусматривала при прекращении уголовного дела (а) за отсутствием события преступления; б) отсутствием в деянии состава преступления; в) за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, а также г) при постановлении оправдательного приговора) обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда разъяснять гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принимать меры по возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате:

- 1) незаконного осуждения;
- 2) незаконного привлечения к уголовной ответственности;
- 3) незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу;
- 4) незаконного продолжения исполнения назначенного наказания;
- 5) незаконного задержания при условии, если такой ущерб был причинен после вступления в силу уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния.

Условия и порядок возмещения ущерба определялись изложенными выше указом и инструкцией, доступ к которым имели лишь лица, производящие расследование, прокуроры и судьи.

Что изменилось с принятием нового УПК РФ?

Прежде всего, вопросам реабилитации в УПК России отведена целая глава 18 (ст. 133-139 УПК России). Следует отметить, что ст. 133 УПК РФ, в отличие от ст. 58¹ УПК РСФСР, более четко определяет основания возникновения права на реабилитацию и предусматривает конкретные положения.

Право на реабилитацию включает право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Необходимо учесть, что речь идет о вреде, причиненном уголовным преследованием. Уголовное преследование, согласно в п. 55 ст. 5 УПК РФ — это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В этой связи, по нашему мнению, часть 2. ст. 133 УПК несколько сужает право на реабилитацию, перечисляя всего 5 оснований для обращения граждан с ходатайством о реабилитации нарушенных прав, тогда как понятие «уголовного преследования» необходимо трактовать более широко: как всю процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Новый закон расширил круг субъектов, имеющих право на реабилитацию, в том числе и на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Таким правом наделены:

— подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;

— подсудимый, в отношении которого уголовное преследование прекращено в связи с отказом государственного или частного обвинителя от обвинения;

— подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 4-6 ч. 1 ст. 27 УПК;

— осужденный — в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1, 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ;

— лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера — в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры. Кроме того, часть 3 ст. 133 УПК предусматривает право на возмещение вреда в порядке, установленном законом, любого лица, незаконно подвергавшегося мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Мерам процессуального принуждения в новом УПК посвящен самостоятельный раздел. К ним относятся:

— задержание (ст. 91 УПК);

— все меры пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство);

— наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу (ст. 98 УПК);

— иные меры процессуального принуждения (обязательства о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество (ст. 111-117 УПК).

Перечисленные правила не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменен или изменен ввиду издания акта об амнистии, за истечением сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния.

Статья 134 УПК регламентирует признание права на реабилитацию. Суд в приговоре, определении, постановлении, а прокурор, следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию. Одновременно ему направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. При отсутствии сведений о месте жительства наследников, близких родственников, родственников или иждивенцев умершего реабилитированного извещение направляется им не позднее пяти суток со дня обращения их в органы дознания, органы предварительного следствия или в суд.

Реабилитированному возмещаются:

1) заработная плата, пенсия, пособия и другие средства, которых он лишился в результате уголовного преследования;

2) конфискованное или обращенное в доход государства на основании приговора или решения суда его имущество;

3) штрафы и процессуальные издержки, взысканные с него во исполнение приговора суда;

4) суммы, выплаченные им за оказание юридической помощи;

5) иные расходы (ч. 1 ст. 135 УПК).

В течение сроков исковой давности (3 года), установленных гражданским кодексом РФ (ст. 196 ГК), со дня получения копий документов, указанных выше (в ч. 1 ст. 134 УПК), и извещения о порядке возмещения вреда реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в орган, постановивший приговор и (или) вынесший определение, постановление о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор. Такое требование может быть заявлено и законным представителем реабилитируемого.

Не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда судья, прокурор, следователь или дознаватель определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Выплаты производятся с учетом уровня инфляции.

Следует учесть, что требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ч. 5 ст. 399, т. е. при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора по ходатайству реабилитированного.

Копия постановления направляется или вручается реабилитированному, а в случае его смерти — лицам, указанным выше.

В УПК России впервые предусмотрена отдельная норма, регламентирующая возмещение *морального вреда* (ст. 136), согласно которой прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред.

Иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства (в соответствии с положениями ст. 1070, 1100 ГК)¹.

Если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных СМИ, то по его требованию, а в случае его смерти — по требованию родственников реабилитированного либо по письменному указанию суда, прокурора, следователя, дознавателя

¹ См.: О судебном приговоре: Сборник Постановлений Пленума ВС СССР по уголовным делам // Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. С. 544.

соответствующие СМИ обязаны в течение 30-ти суток сделать сообщение о реабилитации. Суд, прокурор, следователь, дознаватель, обязаны в срок не позднее 14-ти суток направить письменное сообщение о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства.

Постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя о производстве выплат, возврате имущества могут быть обжалованы в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает восстановление и иных прав реабилитированного: трудовых, пенсионных, жилищных и др. (в порядке, установленном для решения вопросов, связанных с исполнением приговора) (ст. 38 УПК.), а также впервые возмещение вреда *юридическим лицам* (ст. 139 УПК).

§ 4. Ходатайства и жалобы

В Уголовно-процессуальном кодексе России в целях наиболее полной реализации законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства законодатель выделил целый раздел (V), посвященный ходатайствам и жалобам, что указывает на значимость, которую придает законодатель данным проблемам. В отличие от УПК России, в прежнем законодательстве соответствующие нормы не были систематизированы.

В соответствии со ст. 119 УПК подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, а также гражданский истец, гражданский ответчик, их представители наделены правом заявлять дознавателю, следователю, прокурору либо в суд ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или представляемого им лица соответственно.

Указанное ходатайство в соответствии с ч. 1 ст. 120 УПК может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. При этом письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Однако отклонение ходатайства не лишает заявителя права вновь заявить ходатайство.

Ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трех суток со дня его заявления.

Об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, прокурор, судья обязан вынести постановление, а суд — определение, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство. Решение по ходатайству может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 Уголовно-процессуального кодекса.

Кроме ходатайств, как отмечалось ранее, участники уголовного судопроизводства наделены правом обжалования. Так, любой участник уголовного судопроизводства, а также иные лица (в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы) могут обжаловать действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Разумеется, речь идет только о действиях, связанных с уголовным преследованием.

Жалоба может быть подана как в прокуратуру, так и в суды различных инстанций. Порядок рассмотрения жалоб прокурором, судом (при обжаловании решений первой и апелляционной инстанций в кассационную, а также в надзорную инстанцию — судебных решений, вступивших в законную силу) регламентирован ст. 124-127 УПК РФ.

В соответствии со ст. 124 УПК прокурор рассматривает жалобу в течение трех суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, он может рассматривать жалобы в срок до 10-ти суток, о чем должен известить заявителя.

По результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении.

Прокурор обязан незамедлительно уведомить заявителя о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования.

Закон также наделяет дознавателя, следователя правом обжалования действий (бездействия) и решений прокурора вышестоящему прокурору (ч. 4 ст. 124 УПК).

Постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, следователя или прокурора.

Судья, получив жалобу, обязан проверить законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора не позднее чем через пять суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора. При этом неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом.

В начале судебного заседания судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности. Затем заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Заявителю предоставляется возможность выступить с репликой.

По результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Копии постановления судьи направляются заявителю и прокурору.

Принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор или судья.

Закон также предусматривает порядок направления жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей.

Так, в соответствии со ст. 126 УПК администрация места содержания под стражей обязана немедленно направлять прокурору или в суд адресованные им жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей.

Кроме изложенного, в уголовно-процессуальном законодательстве регламентируется и дальнейший порядок обжалования решений судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции (ст. 127 УПК).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ....	4
§ 1. Понятие и содержание обеспечения прав участников предварительного расследования.....	4
§ 2. Современное значение обеспечения прав участников расследования с учетом положений Конституции России и международных правовых актов.....	12
§ 3. Принципы презумпции невиновности и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, их роль и значение.....	18
§ 4. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту.....	27
§ 5. Обеспечение допустимости доказательств. Требования закона относительно источников доказательственной информации, субъектов, порядка собирания и оформления.....	36
ГЛАВА 2 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРАВООГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА.....	42
§ 1. Обеспечение прав участников расследования при выемке и обыске.....	42
§ 2. Обеспечение прав участников расследования при освидетельствовании и получении образцов для сравнительного исследования, назначении и производстве экспертиз.....	46
§ 3. Обеспечение прав участников расследования при наложении ареста на имущество.....	55
ГЛАВА 3 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	59
§ 1. Обеспечение прав подозреваемого при задержании.....	59
§ 2. Соблюдение прав и законных интересов обвиняемого при избрании мер пресечения.....	62

ГЛАВА 4

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ. РЕАБИЛИТАЦИЯ.....	85
§ 1. Обеспечение безопасности потерпевшего и свидетелей.....	85
§ 2. Обеспечение безопасности судей и должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование.....	94
§ 3. Реабилитация.....	98
§ 4. Ходатайства и жалобы.....	103